Markaziy Osiyo Tarixi

История Центральной Азии

History of Central Asia

Markaziy Osiyo Tarixi

История Центральной Азии

History of Central Asia

Markaziy Osiyo Tarixi

Ilmiy-nazariy jurnal

История Центральной Азии

Научно-теоретический журнал

History of Central Asia

Scientific-theoretical journal

Bosh muharrir:
Ahmadali Asqarov – akademik

Bosh muharrir o‘rinbosari:
Shuhrat Ergashev – professor

Ma’sul kotib:
Bahodir Pasilov – dotsent

Ta’sischi:
Nizomiy nomidagi Toshkent davlat pedagogika universiteti

Telefon:
(+998 98) 310-42-14

Sayt:
https://www.tdpu.uz/

Manzil:
100185, Toshkent shahar, Bunyodkor ko‘chasi, 27-uy

Jurnal O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti Administratsiyasi huzuridagi Axborot va ommaviy kommunikatsiyalar agentligidan 2022-yil 28-aprelda 1602 raqami bilan ro‘yxatdan o‘tgan.

Tahrir hay’ati:

1. **Abdullaev R.M. – prof., O‘zbekiston**
2. **Adib Xalid – prof., AQSh**
3. **Alimova D.A. – prof., O‘zbekiston**
4. **Isoqov M.I. – prof., O‘zbekiston**
5. **Kamolov A. – prof., Qozig‘iston**
6. **Kaychumanova D. – prof., Qirg‘iziston**
7. **Kirgizbayev A.K. – prof., O‘zbekiston**
8. **Li Si – prof., Xitoy**
9. **Nuriddinov E.Z. – prof., O‘zbekiston**
10. **Oblamurodov N. – prof., O‘zbekiston**
11. **Pivovar Y.I. – akademik, Rossiya**
12. **Sabirov A.T. – prof., O‘zbekiston**
13. **Saitmurodov J.B. – dots., O‘zbekiston**
14. **Sulaymonov R.H. – prof., O‘zbekiston**
15. **Usmanov I.K. – prof., Tojikiston**
16. **Xodjayev A.X. – prof., O‘zbekiston**
17. **Egamberdiyeva N. – prof., O‘zbekiston**
18. **Yusupova D.Y. – akademik, O‘zbekiston**
19. **Qurbonov X. – prof., Turkmaniston**
20. **Habibullayev A. – prof., AQSh**

“Markaziy Osiyo tarixi” jurnali O‘zbekiston Respublikasi Oliy attestatsiya komissiyasi Rayosatining 2023-yil 30-sentabrdagi 343-sonli qarori bilan 07.00.00 — Tarix fanlari bo‘yicha, doktorlik dissertatsiyalari asosiy ilmiy natijalarini chop etish tavsiya etilgan ilmiy nashrlar ro‘yxatiga kiritilgan.

МУНДАРИЖА

Ходжаев А. *О локализации места первоначального обитания усуней (сведения китайских источников и литературы).....4*

Кенжаева Н. *Научные экспедиции на Памир и припамирье 21*

Обломурадов Н. *Практика перевода сельскохозяйственного производства на промышленную базу: успехи и неудачи 45*

Джураев Т. *Центральная Азия: регион, особенность, идентичность 60*

Илебаев А. *О народных играх и развлечениях кыргызов по устным воспоминаниям респондентов 70*

Янги китоблар/Новые книги/New books

Рецензия на монографию "Шараф Рашидов". Автор: Т.Т. Алимарданов. Изд: “Factor books”, 2024. – 384 с.. 83

О ЛОКАЛИЗАЦИИ МЕСТА ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОБИТАНИЯ УСУНЕЙ (сведения китайских источников и литературы)

LOCALISATION OF USUN'S ORIGINAL HABITAT PLACE (DATA FROM CHINESE HISTORICAL SOURCES AND LITERATURE)

Ablat Khodjaev

***Key words**: Usun, Chinese historical sources, questions, Central Asia, Tangritag, Tien-shan (Tien-Shan), Dunhuang, Qilian, Bogda-shan, Bai-shan, localization, discussion, clarification.*

***Abstract:** The following article is written based on the original Chinese historical sources and scientific literature. The work is devoted to the study of one of the debatable and poorly studied questions related to the issue of localizing the place of the original habitat of the Usuns, which formed one of the groups of the ancient population of Central Asia. The results of studying the data of ancient Chinese sources and the works of historians of the PRC demonstrated that initially the Usun lived in the valleys of the central part of the Eastern section of Tangritag (Tien shan).*

***Ключевые слова**: усунь, китайские источники, научная литература, вопросы, Центральная Азия, Тангритаг, Тянь-шань (Тянь-Шань), Дуньхуан, Цилянь, Богда-шань, Бай-шань, локализация, дискуссия, уточнение.*

Ходжаев Аблат–
Доктор исторических наук.

Аннотация: *Статья написана на основе оригинальных китайских источников, научной литературы и посвящена изучению одного из дискуссионных и мало изученных вопросов, связанных с проблемой локализации места первоначального обитания усуней, составлявших одну из групп древнего населения Центральной Азии. Результаты изучения сведений древнекитайских источников и трудов историков КНР показали, что первоначально усуни обитали в долинах центральной части восточного Тангритага (Тянь-Шаня).*

Ўзбек тилидаги аннотация ва калит сўзларни киритиш лозим.

Усуни (древнее чтение асуэн / asuən) как отдельный этнос не дошли до наших дней. Они играли важную роль в истории международных отношений субрегиона Центральной Азии в древней период и приняли участие в процессе этнического развития региона. Многие авторы считают, что их влияние было особенно большим в формировании казахского и киргизского народов **[Хасакэцзу. 1987. 40].** Однако в их истории существуют немало белых пятен и дискуссионных вопросов, одним из которых является уточнение территории первоначального обитания *асуэней/усуней*, что объясняется отсутствием в древних источниках прямых и достаточно подробных сведений об этом. Некоторые авторы, в том числе и китайские, локализуют место первоначального обитания ***асуэней****/усуней* в Хэсийском коридоре[1], а другие – в горных долинах центральной части Восточного Туркестана.

Результаты исследования, проведенного автором данной статьи, показывают, что в основе возникновения различных мнений по этому вопросу находится отсутствие единого подхода к локализации двух топонимов «Дуньхуан», имеющих одинаковые произношения, и гор с названием «Цилянь», которые впервые встречаются в источнике «Шицзи» («Исторические записки»), написанном в последней четверти I века до н.э. Первый топоним «Дуньхуан» записан иероглифом *дунь* со знаком (ключом) огонь (*хо* 火), а второй – без этого ключа. Название гор «Цилянь» в одних случаях встречается с определяющим иероглифом *шань* (山 – гора), а в других – без.

Например, А. Херманн отождествляет Цилянь с горным массивом Мовань-шань к северу от города Ганьчжоу провинции Ганьсу. Г. Халун и группа других авторов «топонимом Цилянь обозначали хребет

[1] Хэсийский коридор (Хэсизоулан 河西走廊 – означает *узкий проход на западе реки Хуанхэ*) расположен на северо-западе современной провинци Ганьсу КНР, являлся одним из важных участков Великого Шёлкового пути. Длина коридора составляет около 1000 км, а ширина – от 100 до 200 км. На юге коридор упирается в горы Цилянь-шань (祁连山), а на севере – Хэли-шань (合黎山) и Луншоу-шань (龙首山). В Хэсийском коридоре расположены города Увэй (武威), Чжанъе (张掖), Цзючюань (酒泉), Юймэньгуань (玉门关) и Цзяюйгуань (嘉峪关). Значительную часть территории коридора составляет пустыня [Цыхай. 1979. 912]. До II в. до н. э., то есть до появления Ханьской империи (206 до н.э. – VIII н.э.) Хэсийский коридор не входил в состав территории Древнего Китая.

Рихтгофена к югу от городов Сучжоу и Лянчжоу» **[Рерих. 1963.** 118].

Японский ученый Фудзита Тоёхати локализует топонимы Дуньхуан и Цилянь, встречающиеся в разделе «Дайюань» («Давань» 大宛) источника «Шицзи», в Хэсийском коридоре **[Фудзита. 1971.** 77–84].

Китайский историк Линь Мэйцунь, чья работа основана на новых достижениях археологической науки, пришел к выводу, что встречающиеся в китайских источниках, в частности, в разделах, посвящённых западным странам (Сиюй), топонимы Цилянь и Цилянь-шань локализуются в центральной части восточно-туркестанского участка Тангритага (Тянь-шаня) **[Фудзита. 1971.** 75].

По нашему мнению, локализация первоначального места жительства ***асуэней***/*усуней* на территории, расположенной между современным городом Дуньхуаном и горами Цилянь-шань, расположенными на юге центральной части Хэсийского коридора, не соответствует действительности. К такому выводу автор данной монографии пришел по следующим причинам:

1) Сами китайские источники сообщают, что ***асуэни***/*усуни* были коневодами **[Сыма Цянь. 1856.** 1138(1138)/4б/] и обитали по соседству с *рузийцами / юечжийцами*. В Древнем Китае усуньские кони высоко ценились. Для разведения лошадей были нужны обширные пастбищные угодия.

2) Хэсийский коридор **(**Хэсизоулан 河西走廊 – означает *узкий проход на западе реки Хуанхэ*) расположен на западе современной провинци Ганьсу КНР, являлся одним из важных участков Великого Шёлкового пути. Длина коридора составляет около 1000 км, а ширина – от 100 до 200 км. На юге коридор упирается в горы Цилянь-шань (祁连山), а на севере – Хэли-шань (合黎山) и Луншоу-шань (龙首山). В Хэсийском коридоре расположены города Увэй (武威), Чжанъе (张掖), Цзючюань (酒泉), Юймэньгуань (玉门关), Цзяюйгуань (嘉峪关) и Дуньхуанг (Дашт-ата). Значительную часть территории коридора составляет пустыня **[Цыхай. 1979.** 912]. До II в. до н. э., то есть до появления Ханьской империи (206 до н.э. – 8 н.э.) Хэсийский коридор не входил в состав территории Древнего Китая.

3) Автор данной монографии четырежды проезжал Хэсийский коридор, останавливался в расположенных там городах и знакомился с географическими условиями окружающих районов.

4) В 2000 году, во время экспедиции по китайскому участку древнего Великого Шёлкового пути, автору удалось наблюдать природные условия области Дуньхуан (Даш т-ата) и окружающих

районов при низком полете на самолете[2]. После 3-дневного посещения исторических мест, он убедился в том, что современный Дуньхуан расположен в центре маловодной пустынной территории. Вокруг Дуньхуана находятся лишь небольшие зеленые долины, где можно держать небольшое количество животных.

5) В процессе перевода на узбекский язык 123-главы «Шицзи», посвящённой истории Древней Ферганы, было выявлено два созвучных топонима «Дуньхуан». Один записан иероглифом *дунь* (敦) без знака (ключа) огонь (*хо* 火), а второй (燉) – со знаком. Второй топоним Дуньхуан соответствует современному Дуньхуану, который древними тюрками назывался Дашт-ата, что означает «город в пустыне».

Ниже в качестве аргумента собственного утверждения, выдвинутого автором данной статьи, уместно обратиться к следующим сведениям первоисточников и трудов ученых КНР.

Так, автор известного источника «Шицзи» («Исторические записки») Сыма Цянь (жил примерно в 145–42 гг. до н.э.), используя одинаково произносимые топонимы, оставил их без соответствующих комментариев, хотя четко различал их как в плане написания, так и в их локализации. Например, при указании места первоначального обитания *асуэней/усуней* и *рузийцев/юечжийцев* топоним Дуньхуан был написан им иероглифом *дунь* 敦 (без знака огня – *хо* 火). При указании же Дуньхуана (Дашт-аты), куда живыми вернулись несколько человек после первого неудачного военного похода ханьских войск против древнего государства Паркана (Дайюань / Давань), им был использован иероглиф *дунь* (燉) со знаком огня. Например, в 123-главе «Шицзи», озаглавленной «Дайюань лецзюань» («Повествование о Фергане») («Исторические записки»), написано:

«В самом начале *рузийцы* (*юэчжи* – огузы) обитали вокруг Дуньхуна и Циляня» (始月氏居敦煌祁連閒)[3] **[Сыма Цянь. 1856.** 1144(1144)/17a/].

Как видно, в этой информации топоним Дуньхуан записан иероглифом дунь без знака *огня* (*хо* 火). После топонима «Цилянь» отсутствует слово *шань* (山 – гора), но использовано слово *сянь* (閒), которое несет смысл – простор, округа. Далее, в этой же главе источника, написано:

[2] Экспедиция проходила с 15 августа по 4 сентября 2000 г. Она была организована в рамках сотрудничества между ведомствами «Узавтойул концерн» и Министерством транспорта КНР (Чжунго цзяотун бу). Целью экспедиции было изучение современного состояния и перспектив развития Великого Шёлкового пути [подробно см.: *Ходжаев А.* Великий Шёлковый путь: связи и судьбы. С. 9–11].

[3] В переводе Н.Я.Бичурина данный фрагмент, без соответствующих комментариев, сформулирован так: «Первоначально Дом Юэчжи занимал страну между Дуньхуаном и хребтом Цилянь-шань» **[Бичурин. 1950.** Т. 2. 151].

«Эрши цзянцзюнь, посоветовавшись с До Шичэном и другими, пришел к выводу о том, что хотя [наши войска] добрались до Юйчэн [Узгенд], но не смогли его захватить, разве можно мечтать о взятии столицы. Поэтому [он] повернул войска обратно. [На путь] туда и обратно потратили 2 года. В Дуньхуан (燉煌) вернулись не более 12 человек» (貳師將軍與哆始成計至郁成尚不能舉況至其王都乎引兵而還往來二歲還至燉煌士不過什一二) **[Сыма Цянь. 1856.** 1144 (1144) /17a/].

Как видно из приведенного текста, для написания топонима Дуньхуан (Дашт-ата) был использован иероглиф *дунь* со знаком огонь (*хо* 火). Практика такого различия двух топонимов с одинаковым чтением имеет место и в других главах «Шицзи» **[Сыма Цянь. 1856.** 1043(1043)/29б/]. Сыма Цянь различал также названия двух гор – Цилянь (祁連) и Цилянь-шань (祁連山). Первое название идентифицируется с Тангритагом (Тянь-шанем), а второе с горными хребтами в районе между городами Чжанъе и Цзюцюань **[Сыма Цянь. 1856.** 1041(1041)/24б/], то есть на юге центральной части Хэсийского коридора.

Было выяснено, что в «Ханьшу» («История [династии] Хань»), написанной спустя приблизительно 100 лет после «Шицзи», традиция разного написания двух топонимов с одинаковым чтением «Дуньхуан» и двух названий гор «Цилянь» и «Цилянь-шань» была нарушена. Историки последующих веков также перестали ставить различие в написании.

Так, для обозначения двух топонимов «Дуньхуан» автор «Ханьшу» Бань Гу использовал один иероглиф *дунь* со знаком огонь (*хо* 火), что оказало существенное влияние на локализацию первоначального места обитания *асуэней/усуней* и *рузийцев/юэчжийцев*. Например, **в 61-й главе «Чжан Цянь Лигуанли чжуань» (**張騫李廣利傳 – **«Повествование о Чжан Цяне и Ли Гуанли»)**[4] **«Ханьшу» написано:**

«Когда покорный слуга [Чжан **Цянь**] **жил среди *хуннов* слышал, что *усуньский* правитель имеет титул Кюнбий (Куньмо** 昆莫)[5]. **Изначально Нандобий (Наньдоуми** / Nan-dou-mi難兜靡)[6] – **отец**

[4] Данная глава размещена на страницах 1957(749)–1963(755) «Ханьшу». Наш перевод на узбекский язык этой главы приведен на страницах 24–51 книги «Марказий Осиё тарихи Хитой манбаларида (қадимий ҳамда илк ўрта аср ёзма ёдгорликларидан таржималар ва тадқиқотлар)» /История Центральной Азии в китайских источниках (Исследования и переводы из древних и раннесредневековых китайских письменных памятников)/. Книга издана в Ташкенте в 2016 (438 стр.) в соавторстве с А. Айтбаевым, Ш. Қулдашевым и Ф. Джуманиёзовой.

[5] Кюнбий (в китайских источниках Куньмо, по древнему чтению Куньмек) есть титул, его имя Лецзяоми (Liejiaomi, древ.чт. 獵驕靡 – Лачинбий), он жил в 177-104 гг. до н.э. Хунны сами себя назвали кюн, слово бий означало название должности высокопоставленного чиновника, поэтому мы полагаем, что слово «кюнбий» означало представителя или чиновника хуннов.

[6] Иероглиф *ми* (древ.чт. miea, mie靡) древнекитайскими историками использовалось для транскрипции слова *бий,* означающего *господин*, *высокопоставленный, уважаемый, предводитель*, поэтому мы полагаем, что на языке усуней звание Наньдоуми произносилось как Нандау-бий или Нантав-бий.

Кюнбия вместе с *дай-рузие* (*да-юэчжи*) жили вокруг Дуньхуана и Цилянь. [Его] владение было небольшим» (臣居匈奴中　聞烏孙王號昆莫昆莫父難兜靡本與大月氏俱在祁連燉煌閒小國也) **[Бань Гу. 1956.** 1958(750)/4a/] [7].

Здесь же приводятся комментарии древнекитайского историка Янь Шигу, где отмечено, что место их обитания *асуэней / усуней* «находится на востоке Цилянь и на западе Дуньхуан» (祁連山以東燉煌以西). Поскольку для написания топонима Дуньхуан использован иероглиф ***дунь*** **со знаком огня, он идентифицируется с современным Дуньхуаном (Дашт-атой), а топоним Цилянь – с Тангритагом (Тянь-шанем**). В этом случае данный комментарий следует понимать в значении «***асуэни/усуни*** **вместе с *рузийцами/ юэчжийцами* обитали на территории, расположенной между современным Дуньхуаном (Дашт-атой) и Тяньшанем (Тангритагом)». Однако это не соответствует исторической действительности, так как географические условия данной территории не позволили бы её обитателям разводить там лошадей, которые высоко ценились в Древнем Китае**.

Традиция «Ханьшу», записывать топоним Дуньхуан иероглифам дунь со знаком *огня* (*хо* 火), оказала влияние на китайскую историографию более позднего времени [**Бань Гу. 1956.** 2370(1162)/14б/; **Ду Ю. 1995.** 2734; Тайпин хуаньюй цзи. ***Лэ Ши.*** **1980.** Цзюань 184, 7б и др.]. Например, в источнике «Тундянь», написанном в 766–801 гг., дворцовым историком Ду Ю (735–812) о месте первоначального обитания юэчжи отмечено:

«Рузие (Юэчжи)… было государством скотоводов… первоначально оно находилось между Дуньхуаном и Цилянь» (月氏…本行国也…本居燉煌，祁连间) [**Ду Ю. 1995.** 2734].

В труде «Тайпин хуаньюй цзи», автором которого является Лэ Ши (930–1007), написано:

«В прошлом Чжан Цянь рассказал, что в начале *асуэны* / *усуни* и *дай-рузие* (*да-юэчжи*) вместе обитали вокруг Дуньхуана» (始漢張騫言烏孙本與大月氏共在燉煌閒) [*Лэ Ши.* 1980. Цзюань 182, 1б].

Таким образом авторы этих двух сочинений – Ду Ю и Лэ Ши, продолжая традицию «Ханьшу», локализовали место первоначального обитания ***асуэней/усуней*** **и** *рузийцев/юэчжийцев* в пустынном и непригодном для разведения лошадей районе, расположенном между Дуньхуаном (Дашт-атой) и Тангритагом (Тянь-шанем). Это явно противоречит утверждениям самих китайских источников о том, что названные древние обитатели Восточного Туркестана занимались коневодством.

[7] 61-я глава «Ханьшу» не была переведена Н.Я.Бичурином.

Вскоре после завершения правления династии Хань в Китае появились ученые, занимавшиеся написанием комментариев к текстам «Шицзи» и «Ханьшу», некоторые из которых встречаются в текстах этих двух источников. **Одна группа комментаторов** утверждала, что Дуньхуан и Цилянь находятся на юге центральной части Хэсийского коридора (современная провинция Ганьсу КНР), другая же группа – локализовала их в Восточном Туркестане.

Так, в одном из комментариев к этим двум топонимам, из вышеуказанного раздела «Шицзи», сказано: «в начале *рузийцы* (*юэчжи*) жили на востоке от Дуньхуана и на западе гор Цилянь. Область Дуньхуан теперь называется Шачжоу, а горы Цилянь находятся на юго-западе Ганьчжоу» [**Сыма Цянь. 1856.** 1138(1138)]. Авторами комментариев были древнекитайские историки, которые обобщенно назывались «Чжэнъи» (正義/正义), что означает правдивое толкование или правильное значение [**Цыхай. 1979.** 13663; С. **Цыюань. 1982.** Т. 2, 1665] [8]. Время написания комментариев относится к периоду раннего средневековья.

В разделе «Повествование о полководце Ли [Гуанли][9]» того же источника имеются комментарии нескольких авторов к топониму «Цилянь Тянь-шань» (祁連天山). В одном из них, со ссылкой на сочинение «Коди чжи» (括地志 – описание приобретенных земель), отмечено: «Цилянь-шань расположены в 200 *ли* (около 98 км) на юго-западе от уезда Чжанъе в Ганьчжоу» [**Сыма Цянь. 1856.** 1028(1028)].

В комментариях, приведенных в сочинениях «Тундянь» и «Тайпин хуаньюй цзи», сказано, что «Цилянь-шань расположены северо-западнее современной области Чжанъе» **[Ду Ю. 1995.** 2734; ***Лэ Ши.* 1980.** Цзюань 184, 7б]. Как известно, Ганьчжоу и Чжанъе являются разными наименованиями одного и того же места **[Чжунго. 1930.** 802], расположенного в центральной части современной провинции Ганьсу КНР у реки Хэйшуй-хэ (黑水河 – Карасу). В словаре «Цыхай» приводится разъяснение: «в широком смысле горы Цилянь являются общим названием гор, расположенных между западной частью провинции Ганьсу и северо-восточной частью провинции Цинхай. В узком смысле Цилянь является названием самой западной части этих гор» [**Цыхай. 1979.** 1577].

Из второй группы комментариев, имеющихся в китайской справочной литературе, видно, что в древности в Восточном

[8] «Шицзи чжэнъи» (史記正義 – Правильные комментарии к Шицзи) составлен придворным историком Танской династии Чжан Шоуцзе.

[9] Ли Гуанли (год рождения неизвестен, умер в 88 г. до н.э.) – военачальник, возглавивший поход ханьских войск в Фергану в 104–101 гг. до н.э. Был убит в войне с *хуннами*. Он был младшим братом госпожи Ли, наложницы императора У-ди (140–85 гг. до н.э.), который планировал повысить боеспособность своих войск с помощью ферганских быстроходных коней (аргамаков).

Туркестане также были Цилянь-шань и Дуньхуан. Например, в топонимическом словаре «Чжунго гуцзинь димин да цыдянь» отмечено: «Горы Цилянь расположены на юго-западе от уезда Чжанъе (张掖) провинции Ганьсу. По-другому [эти горы] называются Наньшань (南山 – Южные горы). Они также называются Сюэшань (雪山 – Снежные горы), Байшань (白山 – Белые горы), на западе [они] соединяются с Цзюцюанем[10] и Аньси[11]. Еще западнее [они] соединяются с горами Аэрцзинь (阿尔金 – Алтунтаг[12]) и Цунлин (葱岭 – Памир)» [**Чжунго. 1930.** 528].

Далее, в словаре сказано, что согласно комментариям древних историков, «Цилянь-шань делятся на южные и северные. Южные Цилянь-шань являются Наньшанем из [главы] «Сиюй чжуань» («Повествование о западных странах») «Ханьшу». Северные Цилянь-шань являются [восточной частью] Тянь-шаня в Синьцзяне и [они] расположены на севере от города Хами (Ивергул, Иву, Кумул). [Тянь-шань] разветвляются от Цунлина (Памира) и идут на восток, приобретая змееобразную форму, и тянутся на несколько тысячи *ли*. Самая высокая гора называется Богда-шань (Богда-ула), остальные горы названы по месту их расположения. Они соответствуют Бэйшаню (Северным горам), упомянутым в повествованиях о западных странах (Сиюй чжуань). Поэтому в сочинении Ду Ю «Тундянь» сказано, что от Чжанъе до Тинчжоу[13] кругом горы, которые делятся на южные и северные Цилянь-шань» [**Чжунго. 1930.** 528].

О наличии двух гор под названием Цилянь-шань также отмечено в книге «Шицзи. Сюнну лечжуань» («Исторические записки: Повествование о *хуннах*»), изданной в 1975 г. в Пекине. В частности, в ней отмечено: «Горы Цилянь называются Тянь-шань и Бай-шань (Белые горы)» [**Линь Мэйцунь. 1998.** 74].

В третьей группе комментариев утверждается, что в древности восточно-туркестанские и ганьсуские Цилянь-шань составляли единую горную цепь, носившую на языке местных жителей общее

[10] Цзюцюань (древ. произн. Shei-dziwan) – современный город в западной части провинции Ганьсу КНР. Он расположен восточнее современного Дуньхуана. В древности был одним из оживленных торговых пунктов в Хэсийском коридоре. Впервые он был отнят у *хуннов* западно-ханьской империей в 121 г. до н.э. Топоним Цзюцюань встречается в разделе «Чжунгун» (Правитель Чжун) источника «Цзочжуань», написание которого относится к концу V в. до н.э. Правление Чжунгуна относится к 693-660 гг. до н.э. [Цыхай. С. 936].

[11] Аньси (дословно означает «западный покой») расположен на западе провинции Ганьсу вблизи Дуньхуана и на южном побережье реки Сулай (Булунцзир).

[12] Аэрцзинь является транскрипцией местного тюркского названия гор Алтунтаг, которые расположены на юго-востоке Восточного Туркестана и считаются самым восточным отрогом Куньлуна. Они соединяется с горами Цилянь на территории провинции Ганьсу. Алтунтаг транскрибируется также Алэтэнтакэ [**Чжунго. 1930.** 564].

[13] Тинчжоу соответствует современному городу Урумчи – центру Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР [**Чжунго. 1930.** 697].

название Тангритаг (Тянь-шань), т.е. Небесные или Высокие горы. Ганьсуская часть этой цепи называлась Южный Тангритаг, а восточно-туркестанская – Северный Тангритаг.

Так, в комментарии к уйгурскому переводу главы «Давань лечжуань» («Повествование о Фергане») из «Шицзи» отмечено: «Цилянь-шань является расположенной в районе Ганьсу частью Тангритага. В период *хуннов* синьцзянский (восточно-туркестанский) Тангритаг назывался Северный Тангритаг, а ганьсуский – Южный Тангритаг» [**Сыма Цянь. 1989.** 390]. Данный комментарий был составлен на основе сведений, приведенных в коллективном труде «Материалы по истории двух династий Хань» [**Сыма Цянь. 1989.** 390].

Четвертая группа комментариев свидетельствует, что горы Цилянь-шань расположены в Восточном Туркестане. Например, в сочинении «Му-Тяньцзы чжуань», которое считается одним из наиболее ранних географических трудов по Восточному Туркестану, имеются сведения о том, что Му-Тяньцзы «в день *цзихай* (второй день третьей луны) прибыл в Яньцзюй (焉居 древ.чт. Yiankiya) и Юйчжи (禺知древ.чт. ngiwo-tie, ngiwo-tcie) чжипин (之平)» [**Гу сисин цзи**. 1987. 6].

По определению Ван Говэя Юйчжи (Нгоузие) является более древней китайской транскрипцией топонима Рузие (Юэчжи 月氏). Второй иероглиф *чжи* (之) выполняет грамматическую функцию и выражает принадлежность кому-либо того или иного предмета. Последний иероглиф *пин* (平) означает равнину. Отсюда следует, что «Юйчжи чжи пин» переводится как «равнина» или «долина Нгоузие (Рузие / Юечжи)». Поскольку в эти два пункта Му-Тяньцзы прибыл в течение одного дня, как повествуется в сочинении, они находились рядом.

Некоторые историки локализуют Яньцзюй в районе Карашара в Восточном Туркестане, а другие – в Ганьчжоу области Пинлян провинции Ганьсу [**Гу сисин цзи. 1987.** 10]. А Линь Мэйцунь доказывает, что указанный в «Му-Тяньцзы чжуань» Яньцзюй – это название горы и этот топоним соответствует Яньчжи-шань, что является китайским названием горы Карлыктаг, расположенной вблизи Баркуля [**Линь Мэйцунь. 1998.** 74] в Восточном Туркестане.

В 109-главе сочинения Сыма Цяня «Шицзи», посвященной жизнедеятельности вышеупомянутого командующего военным походом в Фергану (Дайюань, Давань) Ли Гуанли, встречается топоним Цилянь Тяньшань (祁連天山). В приведенном к нему подстрочном комментарии сказано, что выехав из Дуньхуана (燉煌) можно добрался до Тянь-шаня в Сиюй[14], вблизи Пулэй (蒲類 – Баркуль) и реки Сихэ (西

[14] В данном случае имеется в виду Восточный Туркестан.

河)[15]. В древних повествованиях отмечено, что «Байшань (Белые горы) зимой и летом покрыты снегом, *хунны* называли эти горы Тангритагом (Тянь-шань[16])» [**Сыма Цянь. 1856.** 1028(1028)/10a/].

Согласно комментариям древних авторов в сочинении «Коди чжи» (括地志 – «Описание приобретенных земель») упомянуто, что «Тянь-шань (天山) по-другому именуются Байшань (白山). В настоящее время они называются Чуломань-шань (初羅漫山) и находятся в 20 *ли* к северу от уезда Иву (伊吾 – Ивергул, современная Кумульская область)[17], который отстоит от столицы [Китая Чанъань] на расстоянии в 4416 *ли* (около 2200 км) в западном направлении» [**Сыма Цянь. 1856.**1028(1028)]. Практически то же самое приводится в книге «Шицзи. Сюнну лечжуань»: «Цилянь-шань по-другому называются Тянь-шань, также называются Бай-шань» [**Линь Мэйцунь. 1998.** 74] и расположены в Восточном Туркестане.

В уйгурских переводах материалов по Центральной Азии топоним «Цилянь-шань» также идентифицируется с Бай-шанем в Восточном Туркестане. Вместе с тем в них отмечается, что на языке местных народов эти горы называются Карликтаг. Данное положение аргументируется тем, что, во-первых, Цилянь-шань является китайским переводом топонима Тангритаг на хунском языке [**Бань Гу. 1994.** 60], во-вторых, в 99-главе «Шицзи» встречается топоним Цилянь-Тянь-шань [**Бань Гу. 1994.** 43].

Европейские ученые В.Краузе и В.Томас (W.Krause, W.Thomas) в своей работе «Tocharisches Elementarbuch» попытались найти этимологию топонима Карлыктаг в тохарском языке, ошибочно считая, что Карлык означает черный, а черный цвет на «восточном тохарском языке» называется «эркент» (erkent) [**Линь Мэйцунь. 1998.** 74]. Они не учли, что «черный» по-тюркски – кара (qara) или каралык, а Карлык означает снежный, т.е. белый, что соответствует в китайских источниках топониму Байшань (Белая гора). Иероглиф *бай* (白), означающий «белый», в древности имел также значение «запад». Поэтому нельзя связывать этимологию Карлыктага с «восточно-тохарским» словом «эркент».

На основе анализа различных сведений древнекитайских письменных памятников и археологических материалов китайский историк Линь Мэйцунь пришел к выводу, что встречающийся в китайских источниках, в частности, в разделах, посвященных

[15] Сихэ – дословно означает «Западная река» - западный приток верховья Хуанхэ [**Цыхай. 1979.** 1832].

[16] Тянь-шань (Тянь-Шань) является китайским переводом тюркского топонима Тангритаг (Небесные горы).

[17] Иву – китайская транскрипция топонима Ивергул, который в настоящее время носит название Кумул (по-китайски – Хами).

западным странам (Сиюй), топоним Цилянь-шань соответствует Карлыктагу (Хаэрлик-шань), расположенному на северо-востоке Баркуля в Восточном Туркестане [**Линь Мэйцунь. 1998.** 75]. Он также утверждает, что Цилянь-шань иногда называется Баликунь-шанем (Баркульские горы).

В частности, он пишет: «в III веке *юэчжи*, сделав Баликунь-шань и Хаэрлик-шань своим центром, кочевали по всем пастбищам Центральной Азии. После их ухода на запад *хунны* заняли их место. Хо Цюйбин и Бань Юнь, последовательно осуществив военные походы против *хуннов*, выдворили их из Яньчжи-шань (Хаэрлик-шань) и Цилянь-шань (Баликунь-шань). После этого у *хуннов* появилась печальная песня о потере Яньчжи-шаня и Цилянь-шаня» [**Линь Мэйцунь. 1998.** 75].

В качестве примера он приводит следующий текст китайского перевода этой песни: «Потеря Цилянь-шаня лишила нас места, где наш скот мог приумножаться. Потеря Яньчжи-шаня означает утрату нашими женщинами радости» [**Линь Мэйцунь. 1998.** 74].

Далее китайский ученый предполагает, что поскольку пастбища являются главным местом кочевок скотоводов на протяжении четырех времен года, то у правителя *рузийцев/юечжийцев* должны были быть две резиденции – летняя и зимняя. Летняя могла быть на пастбищах у оз. Баркуль, т. к. они были самыми южными, а дальше на юг начиналась пустынная и полупустынная зона. А северная резиденция правителя *рузийцев/юечжийцев* могла находиться у оз. Циньхай (秦海 – Баграшкёл)[18] [**Линь Мэйцунь. 1998.** 75; **Чжунго диту. 1996.** 29]. Обосновывается данный тезис следующими аргументами.

1. В разделе «Повествование о западных странах» «Хоу Ханьшу» указано, что в 123 г. ханьский представитель в Дуньхуане Чжан Дан написал будущему императору Шуньди (правил в 126–144 гг.) доклад, в котором было указано, что «правитель северных *хуннов* Хуянь кочует между озерами Пулэй (蒲類) и Цинь (Циньхай秦海) и оттуда осуществляет контроль над западными странами (Сиюй)» [**Линь Мэйцунь. 1998.** 75]. Пулэй соответствует оз. Баркуль, а Циньхай – оз. Баграшкёл) в Восточном Туркестане.

2. В разделе «Повествование о Бань Юне» того же источника имеется информация о нанесении в 126 г. нашей эры поражения ханьскими войсками хуннскому правителю (вану)[19] Хуяню, после чего

[18] Озеро Баграшкёль расположено у города Карашар (Янци / Yanqi 焉耆) в Восточном Туркестане [См.: **Чжунго диту 1996** 29]. В древности на языке местных жителей Карашар именовался как Агни (Agni) [Шиюй. 2008. 1067].

[19] В древнем Китае правитель удельного княжества назывался ваном (王). Использование этого титула в отношении правителей *хуннов* или других стран означало унижение их достоинства и признание их подвластными китайским императорам (хуанди).

«правитель Хуянь обосновался на побережье реки Каънга (Ka-nga)» [**Линь Мэйцунь. 1998.** 75]. Топоним Каънга произносился также Каънгу (Ka-ngu), на современном китайском языке Ку-ву (Ku-wu), и соответствует реке Урунгу (Улуньгу) [**Линь Мэйцунь. 1998.** 75].

Выводы Линь Мэйцуня внушают доверие, т. к. по географическому расположению районы вблизи Баркуля и оз. Булунтохай являются удобными для разведения лошадей и вполне могли быть местонахождением резиденции правителей *рузийцев/юэчжийцев* (огузов).

Территория современного Дуньхуана является небольшой зеленой зоной посередине пустыни и окружена голыми горами. Она непригодна для скотоводства, особенно для коневодства, которое было основой экономики *асуэней/усуней* и *рузийцев/юечжийцев*. На юго-западе современного Дуньхуана (Дашт-аты) расположены Кумтаг (Песчаные горы), которые также были лишены растительности, что исключает возможность наличия здесь скотоводства.

Река Сули[20] (буквально означает многоводная), которая берет свое начало в горах Сули-Наньшань (означает «многоводные южные горы») и Толай-Наньшань (означает «горы везения»), протекает северо-восточнее современного Дуньхуана и исчезает в песках. Пригодная для скотоводства прибрежная зона мала и не может служить пастбищем для масштабного разведения лошадей. Поэтому предположение о том, что сильное кочевое государство Рузие (Юэчжи – Огузия) на протяжении нескольких веков могло существовать на сравнительно не большом полупустынном пространстве между современным Дуньхуаном и горами Цилянь-шань на юге центральной части современной провинции Ганьсу КНР является несостоятельным.

Анализируя имеющиеся в нашем распоряжении сведения, мы приходим к выводу, что в древности восточно-туркестанский и ганьсуский Цилянь-шань рассматривался как единая горная цепь, которая на древнетюркском языке называлась Тангритагом, то есть Небесные или Высокие горы. Древнекитайские историки использовали не транскрипцию местного топонима, а перевод его значения на китайский язык. Таким образом, первоначально топоним звучал как Цилянь-шань, а позже Тянь-шань. Иероглифы Цилянь в древности произносились как Гейлянь, Тилянь и имели значение «Небо» или «высокий» [**Чжунго сычоу. 1994.** 217; **Фань И. 1996.** 504].

По нашему убеждению, все пастбищные районы, расположенные в горных долинах, ущельях и предгорных зонах этой горной цепи были местом обитания *асуэней/усуней* и *рузийцев/юэчжийцев* – огузов. Поэтому одни древние историки локализовали топоним Цилянь в

[20] Сулихэ (р. Булунцзиэр) – на современных китайских картах – Сулэхэ.

провинции Ганьсу, взяв за основу его восточную половину, а другие – в Восточном Туркестане, имея в виду на его западную половину.

На самом деле авторы обоих мнений были правы. Разница была в подходах, так как сторонники каждого мнения основывались лишь на отдельных сведениях. Они не сделали обобщенный анализ существующей информации по вопросу локализации Цилянь-шаня. Позже, в связи с трансформацией в источниках слова Цилянь в «Тянь», название западной части этой горной цепи стало произноситься по-новому – Тянь-шанем, а его восточная часть осталась под старым названием – Цилянь-шань.

Данный вывод подтверждается также уточнением местонахождения двух древних топонимов Дуньхуан, которые можно отличить только по разному написанию иероглифов *дунь* (敦, 燉). На основе только транскрипции невозможно различить эти два одинаково звучащих топонима, не говоря об их правильной локализации. В этом контексте, прежде всего, необходимо обратить внимание на следующие данные, указанные в первоисточниках.

1. В разделе «Усунь-го» («Государство Асуэнь») 96-главы «Ханьшу» написано: «Изначально Чжан Цянь говорил, что в начале *асуэны* (*усуни*) и *дай-рузийцы* (*великие* или *большие огузы*) соседствовали в горной равнине Дуньхуан» (始张骞言烏孫本與大月氏共在燉煌閒) [**Бань Гу. 1956.** 2374(1166)/1б/]. Данная информация повторяется в источниках «Тундянь» [**Ду Ю. 1995.** 2724] и «Тайпин хуаньюй цзи» [***Лэ Ши.* 1980.** Цзюань 182, 1б]. Однако в сочинении «Тундянь» *сянь* (閒) заменен иероглифом *цзянь* (間).

Здесь следует отметить, что в этом предложении после слова Дуньхуан использован иероглиф *сянь* (閒), который читается также как *цзянь*. Как указывается в Большом китайском иероглифическом словаре, при чтении как «сянь» он имеет значение «обширное пространство» или «горное ущелье» [**Ханьюй. 1986.** Т. 7, 4241–4242]. Например, в древних текстах, если иероглиф «цзянь» написан после названия реки или озера, то в этом случае он понимается как «побережье». В китайско-русских словарях, составленных под редакцией И.М. Ошанина, такого значения нет [Ошанин. 1984. 343; Ошанин. 1983. 142–143].

В «Тундянь» встречается слово «Сихай цзянь» [**Ду Ю. 1995.** 2712]. В этом примере иероглиф «цзянь» использован после названия моря «Сихай» (дословно означает «Западное море»). Если принять иероглиф «цзянь» в значении «между», то получается смысловой абсурд. Это слово однозначно следует переводить как «побережье или прибрежные районы Западного моря», а «Дуньхуан сянь» понимать как «равнина или просторы Дуньхуана».

Такая трактовка подтверждается еще тем, что в названных древнекитайских источниках нигде не указано, что Дуньхуан (敦煌) является городом или областью. Хотя, как правило, после географического названия древнекитайские историки всегда добавляли иероглифы, обозначающие город (чэн 城), область (чжоу 州), уезд (сянь 县) и др.

2. В разделе «Повествование о Фергане» 123-главы «Шицзи» также встречается упоминание о том, что изначально Рузие (Юэчжи) обитали на просторах Дуньхуана и Цилянь. В оригинале это записано так: «Ши Рузие (Юэчжи) цзюй Дуньхуан Цилянь сянь» (始月氏居敦煌祁連閒) [**Сыма Цянь. 1856.** 1138 (1138)/4б/]. Здесь иероглиф «сянь» использован после топонима Цилянь, который в древности произносился как Гиейлиен (Giei-lien). В уйгурском переводе значение этого иероглифа передается словом «между» [**Сыма Цянь. 1989.** 491]. Точно такое же значение передано в русском переводе Н.Я. Бичурина [Бичурин. **1950.** 151].

На наш взгляд, иероглиф «цзянь» необходимо переводить как «простор» или «пастбище», но не как слово «между» и в этом случае мы сможем утверждать, что топоним Дуньхуан (敦煌) был названием горы.

3. Сами древнекитайские историки сообщали, что *рузийцы* (*юэчжи* – огузы) разводили лошадей, что было бы невозможно без наличия обширных пастбищных угодий. Современный Дуньхуан (Дашт-ата) и окружающие районы не могут быть местом обитания большой группы племен, занимавшихся коневодством. Там могли жить только их небольшие части или представители.

4. В период династии Хань для написания названия современного города Дуньхуан использовался иероглиф с добавлением знака огня «хо» в передней его части, произносился как «туень» («tuen») и имел значение «огненный свет». Второй иероглиф «хуан» в древности читался как «чжуан» («juang») и употреблялся в значении «свет огня, рассвет, большой».

Исходя из этого, можно утверждать, что в древности иероглифы современного города Дуньхуан произносились как Туенчжуан (Tuen-juang) и означали «свет большого огня». «Шачжоу» - второе древнекитайское название этого города означало «песчаная долина». На древнетюркском языке город назывался Дашт-ата, Дакш-ата [**Сыма Цянь. 1989.** 521], что означает «город в пустыне». Как мы видим, оба эти названия отражают реальное географическое месторасположение современного Дуньхуана.

5. В «Шицзи» для написания топонима Дуньхуан использован иероглиф «дунь» (敦) без добавления знака огня (火) в передней части. Однако в сочинении «Шаньхай цзин», время написания которого

относится к более раннему периоду, встречается топоним Дуньхуан-шань (敦煌山 – гора Дуньхуан).

По мнению Линь Мэйцуня, Дуньхуан-шань соответствует современной горной гряде Богда-шань (в переводе означает «большая» или «великая гора»), которая находится недалеко от города Урумчи [**Линь Мэйцунь. 1998.** 77]. Согласно топонимическому словарю «Чжунго гуцзинь димин дацыдянь» эти горы находятся вблизи города Карашар в Восточном Туркестане [**Линь Мэйцунь. 1998.** 76].

Рядом с этим городом также расположена река Дуньхуан [**Чжунго. 1930.** 898]. Дуньхуан-шань в древности произносился Туэньшуэн-шань или Туеньшуен-шань (Tuen-shueng-shan, Tuen-shung-shan). В этом топониме «шань» однозначно имеет значение «горы». Современный топоним Дуньхуан в далеком прошлом произносился Туеньчжуан (Tuen-juang). Как видно, их современное чтение одинаково, незначительная разница прослеживается в их древнем чтении. Это дает основание полагать, что в своем рассказе, упоминая Дуньхуан, китайский посланник в Фергану Чжан Цянь имел в виду Дуньхуан-шань в Восточном Туркестане.

6. Во времена посла Чжан Цяня современный Дуньхуан (Дашт-ата) еще не носил этого названия [**Линь Мэйцунь. 1998.** 76], поэтому китайский посланник в своем докладе не мог упоминать о нем.

Анализ приведенных сведений позволяет утверждать, что в древности *асуэни/усуни* вместе с *рузийцами/юечжийцами* жили на горных равнинах и пастбищах, расположенных в восточной части Тангритага (Тянь-шаня), и районах между Урумчинской и Карашарской областей Восточного Туркестана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

На китайском языке:

1. **Бань Гу. 1956.** – Бань Гу. Ханьшу (班固. 漢書 – История [династии] Хань) // Эршисы ши (二十四史 – 24 истории). - Пекин-Шанхай: «Шан-у иншу гуань». 1956. Т. 2.
2. **Гу сисин цзи**. 1987. – Гу сисин цзи (古西行记 – Записки о древних путешествиях на запад). – Иньчуань: «Нинся жэньминь чубаньшэ», 1987.
3. **Ду Ю. 1995.** *Ду Ю.* Тундян (杜佑. 通典 – Трактат о законах и традициях). В 3-х т. – Чанша: «Юэли шушэ», 1995. Т. 3
4. ***Лэ Ши.* 1980.** – Лэ Ши. Тайпин хуаньюй цзи (乐史. 太平寰宇記 – Записки о пространстве воцарения мира). Время завершение написания

относится 979 г.– Тайбэй: «Вэньхай чубаньшэ». Отпечатан в 1882 г., переиздан в 1980 г.

5. **Сыма Цянь. 1856.** – Сыма Цянь. Шицзи (司馬騫. 史記 – Исторические записки) // Эршисы ши (24 истории). Т. 1. - Пекин-Шанхай: «Шан-у иншу гуань», 1856.

На уйгурском языке:

6. **Бань Гу. 1994.** – Бань Гу. Хāннамā (– Ханьшу). Перев. с кит. яз. на уйгур. – Урумчи: «Синьцзян халк нашриёти», 1994.

7. **Сыма Цянь. 1989.** – Сыма Цянь. Тарихий хотиралар (– Шицзи). Избранный перевод на уйгурский язык. – Урумчи: «Синьцзян халк нашриёти»,1989.

8. **Фань И. 1996.** – Фань И, Сыма Бяо. Кейинки Ханнома (История поздней династии Хань –). – Урумчи: «Синьцзян халк нашриёти», 1996.

На русском языке:

9. Бичурин. **1950.** – Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х т. - Москва-Ленинград: «Наука», 1950.

На китайском языке:

10. **Линь Мэйцунь. 1998.** – Линь Мэйцунь. Хань Тан Сиюй юй Чжунго вэньмин (汉唐西域与中国文明 – Цивилизация западных стран и Китая периодов Хань и Тан). – Пекин: «Вэн-у чубаньшэ», 1998.

11. **Сиюй. 2008.** – Сиюй димин каолу (西域地名考录 – Выдержки из исследований по топонимике западных стран). – Пекин: «Гоцзя тушугуан чубаньшэ», 2008.

12. **Фудзита. 1971.** – Фудзита Тоёхати. Сиюй яньцзю (藤田豊八. 西域研究 – Исследование западных земель). Перев. с япон. яз. – Тайбэй: «Шанву иншу гуань», 1971.

13. **Ханьюй. 1986.** – Ханьюй дацзыдянь (漢語大字典 – Большой иерог- лифический словарь китайского языка). В 8 томах. – Чэнду: «Сычуаньское издательство словарей», 1986 – 1991. Т. 7.

14. **Хасакэцзу. 1987.** – Хасакэцзу цзяньши (Краткая история казахского народа). – Урумчи: «Синьцзян жэньминь чубаньшэ», 1987.

15. **Цыхай. 1979.** – Цыхай (辞海 – Море слов). – Шанхай: «Шанхайское издательство словарей», 1979.

16. **Цыюань. 1982.** – Цыюань (辞源 – Происхождение слов). В 4-х томах. – Пекин: «Коммерческое издательство книг», 1982. Т. 2.

17. **Чжунго. 1930.** – Чжунго гуцзинь димин дацыдянь (中国古今地名大辞典 – Большой словарь географических названий Китая с древнейших времен

до наших дней). – Шанхай: «Шан-у иньшу гуань», 1930.

18. **Чжунго диту 1996** – Чжунго шигао диту цзи (中国史稿地图集 – Собрание китайских исторических карт). Т. 1. – Пекин: «Чжунго диту чубаньшэ» (中国地图出版社), 1996.
19. **Чжунго сычоу 1994** – Чжунго сычоу чжилу цыдянь (中国丝绸之路辞典 – Китайский словарь шелкового пути). – Урумчи: «Синьцзян жэньминь чубаньшэ», 1994.

На русском языке:

20. **Ошанин. 1952.** – Ошанин И.М. Китайско-русский словарь. - М.: «Гос. Изд-во иностранных и национальных словарей», 1952.
21. **Ошанин. 1983.** – Ошанин И.М. Большой китайско-русский словарь. В 4-х т. Т. 3. – М.: «Наука», 1983.
22. **Рерих. 1963.** – Рерих Ю.Н. Тохарская проблема // «Народы Азии и Африки». № 6. 1963. С. 118–123.
23. **Ходжаев 2018** – Ходжаев А. Великий шелковый путь: связи и судьбы. - Ташкент: «Навруз», 2018.

НАУЧНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ НА ПАМИР И ПРИПАМИРЬЕ в 1923-1927 гг.

Кенжаева Наргиза Соатмуминовна –

директор Музея памяти жертв репрессий Ташкентской области при Чирчикском государственном педагогическом университете, PhD.
kenjaeva82@inbox.ru.

Аннотация: *Настоящая статья посвящена изучению Памира и Припамирья различными научными экспедициями. На основании широкого круга архивных документов и публикаций участников экспедиций, показаны особенности работы и проблемы, стоявшие перед научными экспедициями в регионе. Изучены достижения и результаты этих экспедиций и их научное значение. В результате этих экспедиций были изучены не только природные богатства региона, географический рельеф, флора и фауна, но и произведены важнейшие исследования в области востоковедческого и этнографичес--кого изучения населения региона. Результаты этих исследований не утратили своего значения до настоящего времени.*

Экспедиции, действовавшие в период 1923-1927 гг. в значительной мере были продолжением исследований региона, начавшихся еще до 1917 года в период Российской империи. Ведущими членами экспедиций часто являлись исследователи, которые начинали свои исследования ещё в имперский период. Естественно, что их исследования в 20-е годы были продолжением предыдущих исследований. Именно поэтому, можно считать, что советские экспедиции и вообще политика советского государства в области научного изучения региона является продолжение

политики Российской империи в этой области. И это касается не только самих экспедиций и научного изучения региона, но и того, что стремясь узаконить свою власть в регионе, большевики заимствовали свои взгляды у чиновников царской России, со всеми вытекающими последствиями.

Ключевые слова: *Памир, Припамирье, экспедиции, САГУ, Туркестан, геология, география, ботаника.*

1923-1927 йилларда Помир ва унга туташ минтақаларга амалга оширилган илмий экспедициялар.

Аннотация: *Мазкур мақола Помир ва унга туташ минтақаларни илмий жиҳатдан ўрганган экспедициялар фаолиятига бағишланган. Экспедиция иштирокчилари томонидан нашр этилган ва архив ҳужжатлари асосида минтақада олиб борилган илмий экспедицияларнинг иш хусусиятлари ва муаммолари ёритиб берилган. Ушбу экспедицияларнинг ютуқлари ва натижалари, уларнинг илмий аҳамияти тадқиқ этилган. Бу экспедициялар натижасида ҳудуднинг нафақат табиий бойликлари, географик рельефи, ўсимликлари ва ҳайвонот дунёси ўрганилиши билан бир қаторда, минтақа аҳолисининг этнографияси ва шарқшунослик соҳаларида муҳим тадқиқотлар амалга оширилди. Ушбу ўрганишлар натижалари бугунги кунда ҳам ўз аҳамиятини йўқотмаган.*

1923-1927 йилларда Помир ва унга туташ минтақаларда фаолиятини юритган экспедициялар Россия империяси даврида бошланган ва 1917 йилгача минтақада ўрганиш ишларини олиб борган экспедицияларнинг таркибий давоми эди. Экспедицияларнинг етакчи аъзолари кўпинча ўз тадқиқотларини империя даврида бошлаган олимлардан эди. Табиийки, уларнинг 20-йиллардаги тадқиқотлари ҳам чор Россияси даврида амалга оширилган ўрганишларини давом эттирди. Шунинг учун ҳам Совет ҳукумати томонидан минтақани илмий ўрганиш соҳасида амалга оширган экспедициялари, Россия империясининг бу соҳадаги сиёсатининг давоми деб ҳисоблашимиз мумкин. Бу нафақат минтақани илмий ўрганиш ва экспедицияларнинг фаолияти билан боғлиқ бўлиб қолмасдан, ҳудудда ўзларининг ҳокимиятини легитимлаштириш истаги соҳасида болшевикларнинг қарашларини императорлик давридаги амалдорлардан ўзлаштирганлигини кўришимиз мумкин.

Калит сўзлар: *Помир, Помир ва унга туташ минтақалар, экспедициялар, Ўрта Осиё давлат университети, Туркистон, геология, география, ботаника.*

Scientific expeditions to the Pamirs and the Pripamir region in 1923-1927

Abstract: *The present article is devoted to the study of Pamir and Pripamir region by various scientific expeditions. On the basis of a wide range of archival documents and publications of expedition participants, the peculiarities of work and problems faced by scientific expeditions to the region are shown. The achievements and results of these expeditions and their scientific significance are studied. As a result of these expeditions not only the natural riches of the region, geographical relief, flora and fauna were studied, but also the most important researches in the field of oriental and ethnographic study of the population of the region were made. The results of these studies have not lost their significance up to the present time.*

The expeditions operating in the period 1923-1927 were largely a continuation of research in the region that had begun before 1917 during the Russian Empire. The leading members of the expeditions were often researchers who had begun their research in the imperial period. Naturally, their research in the 20s continued the previous research. That is why, we can consider that the Soviet expeditions and in general the policy of the Soviet state in the field of scientific study of the region is a continuation of the policy of the Russian Empire in this area. And it concerns not only the expeditions and scientific study of the region, but also the fact that the Bolsheviks borrowed their views from the officials of the imperial time in their efforts to legitimize their power in the region.

Key words: *Pamir, Pripamirye, expeditions, SAGU, Turkestan, geology, geography, botany.*

ВВЕДЕНИЕ: Осенью 1917 г. на территории Туркестана в целом утвердилась власть большевиков. После подавления основного сопротивления антибольшевистких повстанцев перед советскими властями Туркестана встал вопрос дальнейшего научного изучения территории Средней Азии. В этом проявилось большая дальновидность советской власти в Туркестанском крае. Понимая, что научно-экспедиционное изучение этих регионов является одним из способов легитимации новой власти и благодаря этому можно будет продемонстрировать местному населению, что советская власть здесь надолго и имеет далекие перспективы, так как намерена не просто изучить, но и использовать полученные знания для извлечения экономической выгоды с прицелом на будущее. В различные районы края стали отправляться научные экспедиции, для работы в которых стали привлекаться и ученые из вновь созданного Туркестанского университета, переименованного в июле 1923 г. в Среднеазиатский государственный университет (САГУ).

Среди перспективных, но при этом отдаленных и малоизученных регионов, требовавших изучения, был и Памир. О важности и перспективности использования природных богатств памирских недр еще летом 1922 г. докладывал начальник курсов востоковедения и разведки Туркестанского фронта И.Д. Ягелло, бывший в 1914-1917 гг. начальником Памирского отряда[1], ответственному секретарю ЦК Компартии Туркестана Н.Т. Тюрякулову: «Памиры, как по китайским и английским источникам, так и по сведениям туземцев, богаты всякого рода минералами и металлами… Говоря короче, на Памирах имеется всякого рода руды и минералы (золото, серебро, свинец, медь, железо, каменный уголь, сера, селитра и др)»[2]. Исходя из всего этого, в 1923 г. было принято решение отправить научную экспедицию на Памир, которая положила бы начало систематическому и всестороннему изучению Памирского региона и прилегающих к нему областей.

Методы: В настоящем исследовании использованы хронологический, систематический, сравнительный, ретроспективный и статистический методы анализа.

Обсуждение: Экспедицию на Памир было предложено возглавить профессору САГУ Н.Л. Корженевскому, до этого неоднократно там бывавшему. Инициатором организации экспедиции являлся Совнарком Туркестанской автономной советской социалистической республики (ТАССР). Совнарком был озабочен получаемыми сведениями с мест, а также мнением ряда специалистов об опасности прорыва Сарезского озера через Усойский завал. Он обратился в Туркестанский отдел Русского географического общества (ТОРГО) с просьбой об обеспечении экспедиции персоналом, а также в Штаб Туркестанского фронта предоставить транспортные средства и военную охрану[3].

Таким образом, научной организацией экспедиции занимался ТОРГО, которому, по словам Н.Л. Корженевского, «принадлежало идейное руководство сложным делом». Кроме того, Совнарком ТАССР также принимал участие в «материальном содействии» экспедиции и способствовал «выдаче каждому участнику теплого обмундирования… и в отпуске средств для обработки фото и киносъемок, производившихся экспедицией на Памире». Штаб Туркестанского фронта предоставил для передвижения экспедиции 8 верховых и 6 вьючных лошадей, а также конвой из 4-х красноармейцев. Все это было выделено из состава войск Ферганской группы и

[1] Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. – М.: Восточная литература, 2005. – С. 277.
[2] Национальный архив Узбекистана (НАУз). Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 805. Л. 72, 73.
[3] Баранов П.А., Райков И.А. Среднеазиатский государственный университет в борьбе за освоение Памира // Бюллетень САГУ. – Ташкент, 1935. – Вып. 20. – С. 274.

предоставлены экспедиции в Андижане. Эта группа войск также обеспечила экспедиции безопасность при «передвижении по районам с неликвидированным еще басмачеством», то есть там, где продолжали действовать антибольшевистские повстанцы. Некоторые средства были отпущены экспедиции и Туркестанским метеорологическим институтом, поручившим экспедиции доставить и восстановить метеорологическую станцию на Памирском посту, разрушенной «басмачами». Также Институтом были выделены, по возможности, инструменты для метеорологических наблюдений и определения высот пунктов по маршруту следования. Управление работ по охране железной дороги от размывов (Урабтуркжел) выделил небольшие средства для сбора сведений о состоянии Сарезского озера[4].

Существовал и некоторый риск для участников экспедиции, так как нельзя забывать, что антибольшевистское сопротивление в регионе было только недавно подавлено, при этом отдельные очаги напряжения и опасность продолжали сохраняться[5]. Кроме этого, у советских властей Туркестана имелись значительные финансовые проблемы. Но, несмотря на все это, решение отправить на Памир научную экспедицию проводилось целенаправленно и тщательно.

19 июня 1923 г. заместитель председателя СНК ТАССР С.Дж. Асфендияров сообщал в Реввоенсовет Туркестанского фронта, что основными целями, поставленными перед экспедицией являлись[6]:

«1) Восстановление на Памирском посту метеорологической станции, имеющей мировое значение;

2) Исследование ледников и топографическая съемка неизвестной области по реке Танымас;

3) Этнографические, зоологические и ботанические исследования;

4) Фотографические работы»[7].

Памирская экспедиция ТОРГО выступила летом 1923 г. Экспедицию возглавил, вышеупомянутый Н.Л. Корженевский, который

---

[4] Корженевский Н.Л. Краткий отчет о поездке на Памир летом 1923 г. // Известия ТОРГО. – Т., 1924. – Т. XVII. С. 87.

[5] Подробнее о ситуации и событиях, происходивших на Памире после с 1917 г. см.: Махмудов О.А. На «окраине» бывшей империи: революционные события, формирование и эволюция органов власти и Гражданская война на Памире (по архивным материалам // **Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917-1922**: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 10-13 июня 2019 г.). – СПб.: Нестор-История, 2020. – С. 451-464.

[6] Санжар (Санджар, Сейд) Сейтджафарович (Сейтжапарович) Асфендиаров (1889- 1938) – военный врач, государственный деятель (нарком здравоохранения, нарком земледелия Туркестанской АССР, нарком здравоохранения Казахской АССР), ученый; профессор. Занимал целый ряд высоких. ряд партийных и советских должностей в Туркестанской АССР, Узбекской ССР и Казахской ССР. Подробнее о нем см.: *Камалиев М.А.* С.Д. Асфендияров: жизнь – подвиг (К 125-летию со дня рождения). // Вестник КазНМУ. 2014, № 2(4), с. 226-229; *Джунисбаев А.А.* Ученические и студенческие годы С.Д. Асфендиарова (1889-1912 гг.). // Проблемы современной исторической науки: новые направления и подходы: Матер. междунар. «Бекмахановских чтений». - Алматы. 2010, с. 147-151 и др.

[7] НАУз. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 1334. Л. 8.

по договоренности с Туркестанским государственным университетом и ТОРГО ввел в состав экспедиции преподавателей университета – ботаника И.А. Райкову, геолога И.И. Бездеку[8]. Четвертым членом экспедиции являлся топограф С.А. Полозов[9].

Экспедиция должна была произвести исследование по маршруту: г. Ош – Большая Памирская дорога до кишлака Мургаб – долина реки Аличур – озеро Яшилькуль – перевал Буромал и Лянгар-Куталь – Сарезское озеро. Обратный путь экспедиции пролегал через кишлак Мургаб по Большой Памирской дороге. Краткие сведения о ходе экспедиции и о ее научных результатах приводятся в двух статьях Н.Л. Корженевского и в небольшой заметке, помещенной в XVI томе «Известий ТОРГО»[10].

Кроме опубликованных материалов, нами в Национальном архиве Узбекистана (НА РУз), был обнаружен «Дневник экспедиции на Памир [1923 г.]»[11], в котором содержатся основные сведения об этой экспедиции. И хотя, как упомянуто выше, о ходе экспедиции в 1924 г. был опубликован «Краткий отчет о поездке на Памир летом 1923 г.», обнаруженный нами дневник экспедиции от этого нисколько не теряет своего значения. Оба источника в основном отнюдь не дублируют, а дополняют сведения друг друга, давая намного более полную картину хода экспедиции.

В одной из первых записей в дневнике сообщалось, что члены экспедиции 17 августа направились на Памир «из Оша в 10.30 утра и прибыли в Лянгар в 7 ч. вечера», и далее идет следующая запись: «Звездн[ая] мгла. Души нет. Рабат разрушен совершенно; есть гузар при мельнице на реке. Ехали с ветерин[арным] врачом, направл[явшемся] в Иркештам»[12].

В это время антибольшевистское сопротивление еще не было сломлено до конца и сохранялось опасность нападения «басмачей». Так, 19 августа экспедиция, добравшись до Гульчи, остановилась на ночевку в рабате. Далее в дневнике сообщается что «ночью переполошились внезапно в крепости и крики… Думали басмачи. Оказалось учение»[13].

---

[8] Бездека Игнатий Иванович – чех, из австрийских военнопленных. До своего возвращения в Чехословакию преподавал в САГУ кристаллографию (Благовещенский А.В. Из воспоминаний о работе в первом университете Средней Азии // Память трудных дорог. Сборник воспоминаний. – Ташкент: Ўқитувчи, 1980. – С. 81-82).

[9] Баранов П.А., Райков И.А. Среднеазиатский государственный университет в борьбе за освоение Памира // Бюллетень САГУ. Вып. 20. С. 274. Также см.: Центральный государственный архив города Ташкента (ЦГАГТ). Ф. 38. Оп. 1 Д. 13. Л. 10.

[10] Корженевский Н.Л. Из наблюдений на Памире летом 1923 г. // Вестник ирригации. 1924, № 1;Корженевский Н. Л. Краткий отчет о поездке на Памир летом 1923 г. // Известия ТОРГО. – 1924. – Т. XVII,

[11] НАУз. Ф. Р-2273. Оп. 1. Д. 59. Л. 1-21об.

[12] Там же. Л. 3.

[13] Там же. Л. 3об.

Довольно много проблем вызывала доставка метеорологической станции на Памирский пост, что являлось одной из целей экспедиции[14].

24 августа в 5 часов вечера экспедиция прибыли в Бор-дабу. Остановились в «том же мертвом рабате, в к[ото]ром когда-то останавливался я (Корженевский – Н.К.)». На следующий день экспедиция выступила в путь в 7 часов утра и в 9 часов вечера прибыла к озеру Кара-куль. Здесь члены экспедиции остановились в рабате Тукур-бай. Ранним утром 26 августа, были проведены некоторые исследования озера Кара-куль[15].

Закончив измерения на озере, экспедиция выступила из рабата на Кара-куле «в 8.30 пасмурным утром». Двигаясь вдоль берега Кара-куля экспедиция встретила часть «Пам[ирского] отряда с врачом и больными. Издали приняли [их], (а они нас) за басмачей»[16].

28 августа экспедиция была уже на Муз-коле. Двигаясь дальше в 12.45 часов члены экспедиции добрались до перевала Ак-байтал. Погода была пасмурная, шел небольшой дождь. На ночь остановились в рабате Ак-байтал в 7 часов вечера. На Памирский пост экспедиция прибыла 29 августа в 6 часов вечера. Встретили экспедицию «более чем радушно» ведь, помимо прочего она привезла известие о скорой смене состава отряда. 30 августа Н.Л. Корженевский целый день устанавливал привезенную метеостанцию. В дневнике он записал: «Сейчас инструктирую в наблюдениях военкома поста некоего Костина. Очень я рад, что удалось дотащить эту станцию [на] Памирский пост»[17].

Перед поездкой Н.Л. Корженевский получил в пользование в Ташкентском отделении Госкино киноаппарат для съемки[18], которым он активно пользовался, снимая во время пребывания экспедиции на Памире как во время экспедиции 1923 года, так и последующих[19].

После прибытия на Памирский пост началось исследование района[20].

11 сентября экспедиция выехала из аула на р. Большой Марджанай и двинулась обратно правым берегом озера Яшиль-куль. Н.Л. Корженевский отмечает, что хотя на карте, приложенной к работе А.В. Муханова «Памирский район»[21], показано наличие разработанной колесной дороги, «но в действительности не только колесной, но просто сносной вьючной тропы нет». Поэтому экспедиции перед

[14] Там же. Л. 5об.
[15] Там же. Л. 6-7.
[16] НАУз. Ф. Р-2273. Оп. 1. Д. 59. Л. 7 об.
[17] Там же. Л. 8-8 об.
[18] Там же. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 1527. Л. 102.
[19] Там же. Л. 8 об-9 об.
[20] Например см.: Там же. Л. 9 об-12.
[21] Муханов А.В. Памирский район. - Ташкент, 1912. – 110 с.

р. Малый Марджанай пришлось двигаться по озеру в обход скал и так несколько раз. Далее в дневнике идет описание мест, по которой проходила экспедиция и одного из завальных озер:

«Из ущелья между М[алым] и Б[ольшим] Марджанаем выползает большая морена; напротив ее также видны морены выходящие из… ущелий. Склон к озеру порос большими Heracleum'ами[22], кустиками роз и смородинами (невкусная). На отмелях масса мальков рыбы – очевидно в озере ее много. Много насекомых – бабочек, кузнечиков. Озеро извивается как река, что хорошо видно с пер[евала] Буромал… Прекрасно видна сама плотина и воронка откуда обрушились массы. Общее протяжение плотины по реке около версты, высота над уровнем незначительный. Аличур проходит левой стороной завала»[23].

Дальнейший путь в дневнике описывается следующим образом:

«Подъем Буромал довольно крутой, но для людей нетрудный. Поднялись, сюда не без труда и наши верблюды с вьюками. Спуск несколько положе, но длиннее приводит в тугай при устье р. Лянгар. Тут маленькая таджикская летовка, но безлюдная. На перевале граниты… Дальше по ущелью сносная тропа идет… берегом реки пересекая конусы выносов и остатки древних морен Лянгарского ледника. Пройдя 2 в[ерсты] за 2-й… в сумерках остановились на пойме в таджик[ской] летовке равносильной обычному(?) загону. Встретили нас здесь превосходно. Принесли «пай»[24], кислое молоко, продали барашка и т.д. Утром на другой день снял кинематографич[ески] несколько сцен. За летовкой подъем на древние морены. Влево, около пирамид[ального] пика ледник. Около 9 ч. утра получили данные и в 1 день достигли широкой седловины перевала, украшенного небольшим озерком. Всюду гранит. Не достигая 2-х верст до перевала посредине ущелья обтес[анные] граниты с ясной ледн[иковой] штриховкой особенно отчетливой на пустынном загаре. Под перевалом (в версте) слева, если считать по дороге еще, кажется, 2 висячих ледника. Снега на перевале не было и таковой оказался лишь на противоположной стороне и то небольшими пятнами. На другой стороне тоже озерко, более чем на южной. Некрутой спуск привел в обширный цирк с остатками моренных отложений. Здесь тоже несколько ниже выступают граниты с ясной штриховкой». На ночь, пройдя небольшое озерко, экспедиция остановились в таджикской летовке[25].

[22] Борщеви́к (лат. Heracléum) – род растений семейства зонтичные, насчитывающий, по некоторым данным 52 вида, распространённых в умеренном поясе Восточного полушария (один вид – в Северной Америке). Разные виды борщевика выращиваются как декоративные растения, часть – как силосные на корм скоту, некоторые годны в пищу и человеку. Часть видов (относящиеся к секции Pubescentia Manden) содержит фотосенсибилизирующие вещества (фуранокумарины), вызывающие фитофотодерматит, раковые опухоли и врождённые уродства у людей и животных.

[23] НАУз. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 1527. Л. 12 об-13.

[24] Мясное блюдо.

[25] НАУз. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 1527. Л. 13-14 об.

Предполагалось осмотреть Усойский завал и состояние Сарезкого озера. 10 сентября в 8.30 часов утра экспедиция выступила в путь из кишлака Ирхт. Осмотром и, по возможности, сбором опросных сведений, была окончена основная часть плановых работ экспедиции. 11 сентября, как упоминалось выше, экспедиция двинулась в обратный путь. Переночевав на таджикской летовке у южного склона Лянгарского хребта, 12 сентября экспедиция двинулась дальше. В 10.30 часов перевалила гребень перевала Лянгар-кутал. Затем остановилась в летовке на перевале в ущелье Лянгар. 13 сентября был разбит бивак в тугае на реке Лянгар. Потом через перевал Буромал экспедиция достигла озера Яшиль-куль. 14 сентября была в кочевье киргизов на Большом Марджанае. На следующий день, 15 сентября, члены экспедиции достигли урочище Бузола и долины реки Аличур. В 4 часа прибыли в Бош-гумбаз и остановились в кочевье амина. День был мглистый, над хребтом были тучи. В ручье, как отмечается в дневнике, «масса маринки[26]», а также «есть какой-то мелкий грызун». 16 сентября проехав 4 часа остановились в кочевье Мама-заир-булак[27].

Через перевал Нейза-таш экспедиция 17 сентября добралась до Памирского поста. 20 сентября, переночевав в рабате Ак-байтал, экспедиция через перевалы Ак-байтал, Муз-кол (21 сентября), Кокуй-бель (22 сентября) продолжила движение на север. Перейдя 23 сентября реку Джуруй (Муз-кол), мимо озера Кара-куль (24 сентября), Бардобы (25 сентября) и Ак-босаги (27 сентября), – обычной дорогой всех двигающихся на Памир и с Памира, – экспедиция двинулась к Ошу. 29 сентября экспедиция добралась до Гульчи. 2 октября экспедиция прибыла в Ош[28].

В дневнике у И.А. Райковой также сообщается о трудностях на обратном пути экспедиции. Лошади были измучены, зерно заканчивалось, а подножного корма было мало и местами он был покрыт снегом. Далее она записывала: «18 сентября 1923 г. Ночевка на Кокуйбельсу. Сильно похолодало, везде в ручьях лед, негде поить лошадей… К нам присоединились 4 красноармейца с почтой…

Утро 20 сентября. Возвращаемся на Памирскую “дорогу”, чтобы двигаться к Ошу. Идем вдоль южного берега Каракуля. К вечеру пройдя всего 20 километров, лошади устали: уж очень был беден подножный корм, а зерна у нас больше не осталось…

Утром выступаем вместе. Уж не до ботанических сборов. Наши лошади пытаются не отставать, временами идем рядом с лошадьми, пешком, подгонять бесполезно…

[26] Маринки (лат. Schizothorax — «Схизоторакс») или «акбалык» (белая рыба), род рыб семейства карповых. Эти рыбы обитают в реках и озёрах Центральной и Средней Азии, Казахстане, а также на Украине, часто на реке Южный Буг.

[27] НАУз. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 1527. Л. 14 об-16об.

[28] Там же. Л. 17-18.

Часам к 3 ночи добираемся до Сарыташа, думали здесь подкормить лошадей на траве, сделать дневку, но сплошной снег, который еще и метель добавляет. По отряду распоряжение: “Дальше в путь всадникам спешиться”. (Мы-то уж давно “спешились”). Движемся в темноте, идем один за другим: “человек – конь, человек – конь”, идем и идем, хорошо, что метель прекратилась. На гребень перевала Талдык пришли чуть начало светлеть небо. Спуск по знаменитым талдыкским серпантинам запомнился на всю жизнь. Все шли спешившись, в полном безмолвии, ведя коней в поводу, уже видно – везде снег, чуть чернеет тропа на всех 33 изгибах спуска. Белый перевал Талдык и серпантин – цепь лошадей и людей на фоне светлеющего неба.

Мы спустились к началу долины, к концу серпантина еще вместе с отрядом, но здесь снег покрывал уже не все, кое-где у кустов (мы вошли в пояс арчовников) была видна тропа, и оттащить от нее изголодавшихся лошадей мы не могли.

Наша группа отстала, пройдя более 100 километров почти в непрерывном движении.

Вблизи Акбосаги “дневали” трое суток, а там, где пешком, где верхом, добрались к 1 октября до г. Ош и сдали в отряд всех временно выделенных экспедиции лошадей в целости, но на “грани упитанности”»[29].

Согласно «Краткого отчета» члены экспедиции прибыли в Ташкент 5октября. В основном программа экспедиции была выполнена. В частности, основными результатами экспедиции были:

«1) Доставлена на Памирский пост и восстановлена там метеорологическая станция, отсутствие которой в сети было весьма ощутительным.

2) Произведен рекогносцировочный осмотр нового Сарезского озера, поставлены новые сведения об озере Кара-куль и впервые произведен анализ воды этого крупнейшего Памирского озера.

3) Собрано до 2.000 листов гербария, около 200 пакетов семян, клубней и луковиц и описано с количественным учетом растений 52 участка на территории Памира разм[ером] от 25 кв. с[ажень] до 1 кв. версты.

Впервые произведено ботанико-географическое описание перехода от перевала Буромал до Сарезского озера, в разрез хребта Базар-дара (сев. Аличурский)…[30]

4) Произведено 24 кинематографических снимка, характеризующих быт Памирского кочевого населения, а также горных таджиков…

---

[29] Донцова З.Н. Илария Алексеевна Райкова. 1896-1981. – М.: Наука, 1988. – С. 43-44.

[30] Также см.: Райкова И.А. Материалы к ботанико-географической характеристике Памира // ИТОРГО. – Ташкент, 1924. – т. XVII. – С. 80-87.

Вместе с этим произведено 50 обыкн[овенных] фотографических снимков, широко иллюстрирующих ландшафты Памира.

5) Переопределены и вновь определены высоты 31 пункта маршрута и произведены наблюдения над температурой вод Памира в 14 пунктах...

6) И наконец, произведена маршрутная съемка пути экспедиции от озера Яшиль-куль через перевал Лянгар-куталь на Сарезкое озеро...[31]

Кроме изложенного, производились всю дорогу срочные метеорологические наблюдения»[32].

Таким образом, Памирская экспедиция 1923 г. внесла ощутимый вклад в познание природы тогда довольно загадочного Памира и явилась значительным событием в географической жизни края.

Руководитель экспедиции 1923 г. Н.Л. Корженевский за ее успешное проведение был награжден СНК Туркреспублики «ценным подарком»[33]. И.А. Райкова за работу в экспедиции 1923 г. получила в 1926 г. серебренную медаль Географического общества СССР[34].

Летом 1924 г. ТОРГО была организована новая экспедиция на Памир. Ее вновь возглавил Н.Л. Корженевский[35]. Кроме того, в экспедиции должны были принять участия преподаватель САГУ геофизик Р.Р. Циммерман и биолог М.Г. Попов[36]. Также в ней принял участие и студент Восточного института Э.А. Шмидт. Инициатором, как и в предыдущем году, выступил Совнарком Туркестана, а организатором экспедиции выступил ТОРГО. Также им были отпущены небольшие денежные средства на покрытие расходов экспедиции. Небольшие ассигнования средств были также получены и от Гидрометеорологического Отдела Туркмета и Туркомстариса[37].

Совнарком, по просьбе ТОРГО[38], также обратился к Реввоенсовету Туркфронта с просьбой выделить 6 лошадей, из которых три должны были быть вьючными для «переезда и перевозки инструментов» экспедиции, для помощи участникам экспедиции и для ухода за лошадьми - четырех конных красноармейцев, из коих хотя бы один должен был знать узбекский язык, а также для обеспечения безопасности экспедицию должен был сопровождать конвой на

---

[31] Эти работы производил топограф С.А. Полозов. Важность их заключалось в том, что до этого на картах здесь было белое пятно.

[32] Корженевский Н.Л. Краткий отчет о поездке на Памир летом 1923 г. // Известия ТОРГО. – 1924. – Т. XVII. – С. 95.

[33] ЦГАГТ. Ф. 38. Оп. 3. Д. 823. Л. 17.

[34] Там же. Д.1350. Л. 12.

[35] Там же. Д. 823. Л. 17.

[36] НАУз. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 1527. Л. 104.

[37] Корженевский Н.Л. Предварительный отчет об осмотре ледников в верховьях р. Мук-су летом 1924 г. // Известия ТОРГО. – Ташкент, 1924. – Т. XVII. – С. 55.

[38] НАУз. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 1527. Л. 105.

наиболее опасном участке пути Фергана – Алтын-мазар[39].

В мандате, выданном ему СНК ТуркССР, указывалось, что экспедиция отправляется «для исследования Северо-Западной части Памира», далее указывалось что «принимая во внимание важное научное значение поставленных перед экспедицией задач, С.Н.К. предлагает всем должностным лицам и учреждениям оказывать названной научной экспедиции полное содействие»[40].

Экспедиция выезжает в горноледниковую область бассейна р. Муксу. Этот район изучался Н.Л. Корженевским еще в 1904, 1910 и 1914 гг.[41]. В результате были открыты и описаны крупные ледники (в частности, ледник Мушкетова – 1904 г.), горные вершины и перевалы. Во время поездки 1924 г. Н.Л. Корженевский занимается изучением долины р. Муксу в ее верховьях и описанием ледников Мушкетова, Федченко, Танымас и ряда более мелких. При этом, исследуя состояние ледников этого района, он обращает внимание на то, что они явно отступили по сравнению с 1914 годом. Изучение ледников р. Муксу и примыкающих к ним территорий сопровождалось производством метеорологических наблюдений и гипсометрических измерений. На их основании была уточнена высота вершины Музджилга[42].

Кроме упомянутых выше, на Памир и Припамирье отправлялись и другие небольшие экспедиции, организованные Восточным факультетом САГУ, в которых принимали участие и студенты факультета. Так в 1924/25 учебном году студенты Востфака САГУ, являвшиеся членами Кружка ориенталистов факультета, под руководством Э.А. Шмидта побывали с экспедицией на Памире для сбора этнографических и лингвистических материалов[43].

В 1925 г. на Памир были отправлены две экспедиции, организатором которых являлось, созданное 9 января 1925 г., Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами[44].

Первая из экспедиций должна была впервые исследовать один из самых труднодоступных районов Памира – горно-ледниковый район верховьев р. Танымас. Возглавил ее Н.Л. Корженевский, являвшийся активным членом Общества[45]. Средства на экспедицию были выделены Обществом для изучения Таджикистана и иранских народностей за его

---

[39] Там же. Л. 104.

[40] НАУз. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 1527. Л. 103.

[41] См.: Корженевский Н.Л. По реке Мук-су (От Памира до Каратегина) // Ежегодник Русского горного общества. 1905. – Т. V. – С. 77-94. То же – Туркестанские ведомости. 1904. – № 159.

[42] Результаты этой поездки см.: Корженевский Н.Л. Предварительный отчет об осмотре ледников в верховьях р. Мук-су летом 1924 г. // Известия ТОРГО. – 1924. – Т. XVII. – С. 55-60.

[43] ЦГАГТ. Ф. 38. Оп. 3. Д. 42. Л. 56.

[44] Шагалов Е.С. Первое научное общество Таджикистана (Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами). – Душанбе: Дониш, 1966. – С. 10.

[45] ЦГАГТ. Ф. 38. Оп. 3. Д. 823. Л. 21.

пределами и Средазкомстарисом. Средствами передвижения и охраной экспедиция была обеспечена Штабом Туркфронта. К этому времени на территории Таджикистана продолжалась антибольшевистская борьба отдельных групп повстанцев. Поэтому существовала опасность для передвижения экспедиции. Для безопасности маршруты движения экспедиции согласовывались с органами местной власти и командованием воинских частей. Руководители обеих экспедиций Общества, действовавших в 1925 году, получали Открытые листы, в которых выражалась просьба к представителям Советской власти, начальникам и командирам воинских частей, пограничной охраны содействовать в передвижении групп исследователей[46]. Так Открытый лист Н.Л. Корженевскому выданный 17 июня 1925 года был подписан командующим войсками Туркестанского фронта М.К. Левандовским, полномочным представителем ОГПУ в Средней Азии Л.Н. Бельским и уполномоченным НКИД СССР в Узбекистане А.А. Знаменским. В нем указывалось, что «всем представителям советской власти Узбекской СС.Республики, Таджикской Автономной С.С.Республики, Киргизской Автономной Области, начальникам и комиссарам РККА, частям пограничной охраны и отдельным лицам предлагается оказывать начальнику экспедиции Н.Л. Корженевскому и прочим ее членам в исполнении поставленной им задачи всемерное и действительное содействие»[47].

Основной маршрут экспедиции был следующий: Ош, перевалы Талдык, Кызыл-Арт, котловина Кара-куля, долины Кок-Джар, Танымас. Конечным пунктом экспедиции являлся ледник Танымас[48]. Невзирая на тяжелую болезнь Н.Л. Корженевского, экспедиция под его руководством изучает оз. Каракуль, Яшилькуль и Сарезское и собирает новые сведения. В частности, впервые был произведен анализ воды Каракуля, получен материал о температуре воды этого крупнейшего озера Памира. Н.Л. Корженевский установил резкое повышение уровня воды на оз. Каракуль по сравнению с прошлым годом. Весьма важные выводы делает Н.Л. Корженевский о Сарезском озере. По его заключению, «…судьба Сарезского озера будет подобна судьбе Яшилькуля; достигнув низших точек завала, до которых остается еще около 50 сажень, озеро спокойно начнет переливаться через завал и совместно с фильтрацией быстро установит равновесие между приходом воды и расходом. Можно допустить также, что возрожденный Бартанг, эродируя ложе, отодвинет свою вершину к гребню завала, пропилит его и начнет спускать воды озера по

[46] Шагалов Е.С. Первое научное общество Таджикистана (Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами). – Душанбе: Дониш, 1966. – С. 11-12.
[47] НАУз. Ф. Р-2273. Оп. 1. Д. 58. Л. 5.
[48] Корженевский Н.Л. Истоки реки Танымас. Предварительное сообщение о поездке на Памир летом 1925 г. – Ташкент, 1926. – С. 8.

своему глубокому ущелью. Во всяком случае, ожидать внезапного прорыва завала и, следовательно, катастрофического стока озера при современном его состоянии, по нашему мнению, пока нет оснований»[49].

Экспедицией был собран большой материал об озере Яшилькуль, опубликованный несколько позже в специальной работе[50]. Экспедицией были определены высоты 31 пункта по маршруту, а С.А. Полозов провел маршрутную съемку пути от Яшилькуля через перевал Лянгаркуталь до Сарезского озера. Члены экспедиции проводили метеорологические наблюдения по маршруту. Н.Л. Корженевский производил первые кино и фотосъемки, отражающие истинную картину природных ландшафтов и быта населения этого высокогорья, что в свое время имело большое значение. Собран огромный гербарный материал и получены важные качественные и количественные характеристики растительного покрова, дано детальное описание ледниковой группы в истоках Танымаса. Особенно важны новые материалы Н.Л. Корженевского о древнем оледенении.

Обобщая результаты поездки, ученый пишет: «...Исследованная нами область испытала две основные эпохи оледенения, из которых первая сопровождалась развитием необычайно мощных ледниковых потоков, заполнявших сплошь долины Кара-Куля, Кокджар, Танымас и древний отрог Кокуйбеля. Во вторую эпоху названные долины уже не заполнялись ледниками и последние спускались в них только из боковых ущелий, создавая в долине Кокджар ледник подножий, кончавшийся на высоте 3890 метров над уровнем моря. Современный ледник Танымас оканчивается на высоте 3660 мет. и, являясь остатком мощного древнего ледника реки Танымас, в то же время представляет один из наиболее крупных и замечательных ледников Средней Азии»[51].

По материалам экспедиции была составлена схема расположения ледников на границе Памира с Дарвазом, позволившая определить картину оледенения этого ранее неизученного района. Экспедиция наметила два ледниковых узла – один, сосредоточенный вокруг пика, который считался пиком Гармо, и другой, расположенный южнее, не менее мощный. Со второго ледникового узла берут начало главный рукав ледника Федченко, ледник Танымас, один из ледников Абдулкагор[52].

Также руководитель экспедиции 1925 года Н.Л. Корженевский значительное внимание уделил описанию форм древнего оледенения.

---

[49] Корженевский Н.Л. Предварительный отчет об осмотре ледников в верховьях р. Мук-су летом 1924 г. // Известия ТОРГО. – 1924. – Т. XVII. – С. 85.

[50] Корженевский Н.Л. Озеро Яшиль-Куль (Материалы к лимнологии Памира) // Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народов за его пределами. – Т., 1928. – Т. 1. – С. 32-39.

[51] Корженевский Н.Л. Истоки реки Танымас. Предварительное сообщение о поездке на Памир летом 1925 г., – Т., 1926. – С. 27

[52] Там же. – С. 26.

Им составляется первая схема ледников этого уголка Памира и снимаются многочисленные фотографии ледников.

Второй экспедицией Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, организованной им в 1925 г. являлась этнографическая экспедиция во главе с М.С. Андреевым. Экспедиция состояла из 9 человек. Кроме того, при экспедиции состоял отряд красноармейцев для охраны.

Выехав во второй половине июня 1925 года из Ташкента, экспедиция двинулась через Ура-Тюбе в Душанбе. В Ура-тюбе и Фальгаре (верховья Зарафшана) экспедиция благополучно произвела сбор материалов. Пройдя труднодоступный Ягноб экспедиция далее двинулась к Душанбе. Экспедиция продолжала сбор этнографического материала, изучала различные ремесла, быт местных женщин. Члены экспедиции двигались через Каратегин, Дарваз, долину Ванча, Язгулема. Из Хорога в Ташкент экспедиция возвращалась через Ош, пройдя весь Памир[53]. В ходе экспедиции было собрано много материалов и более 1000 экспонатов передано в Главный среднеазиатский музей[54].

По возвращении в Ташкент М.С. Андреев выступил перед членами Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами и Средазкомстариса с докладом о работе экспедиции, иллюстрируя его фотографиями и уникальными предметами народного творчества[55]. Кроме того, в достаточно короткий срок по материалам собранным экспедицией Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами был опубликован ряд работ[56].

Н.Л. Корженевский в 1926 г. предпринял восхождение на крупнейший ледник Памира – ледник Федченко. Это путешествие сопровождалось большими географическими открытиями. Так, на основе анализа материалов своих научных наблюдений, собранных в течение пятикратного (1904, 1910, 1914, 1924 и 1926 гг.) посещения бассейна р. Муксу, исследователем констатируется продолжающееся отступание ледников Федченко и Мушкетова. При восхождении на ледник Федченко в 1926 г. исследователь обнаружил неизвестный

---

[53] Шагалов Е.С. Первое научное общество Таджикистана (Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами). – Душанбе: Дониш, 1966. – С. 13-14.

[54] ЦГАГТ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 74. Л. 23; Там же, Д. 42. Л. 55.

[55] Писарчик А.К. Михаил Степанович Андреев // Памяти М.С. Андреева (Труды Академии наук ТаджССР. – Душанбе, 1960. – Т. 120). – С. 11.

[56] Андреев М.С. По Таджикистану. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 году. – Т., 1927. – Вып. I. – 83 с.; Андреев М.С. К материалу по среднеазиатской керамике. Запись экспедиции от Общества для изучения Таджикистана и Средазкомстариса, работавшей в пределах Таджикистана летом 1925 года. – Т., 1926. – 18 с.; Он же. Выработка железа в долине Ванча. Из материалов, собранных экспедицией Общества для изучения Таджикистана и Средазкомстариса, бывшей летом 1925 года. – Т., 1926. – 17 с.; Он же. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира. – Т., 1828. – 41 с.

до того времени хребет, отходящий к юго-западу от пика Музджилга, увенчанный в этой части высокой обледенелой вершиной. Эта вершина по предложению Н.Л. Корженевского названа пиком Карпинского, а сам хребет получил название хребта Академии наук.

Гидрологические и геоморфологические наблюдения в бассейне Мук-су, произведенные за время экспедиций 1924 и 1925 гг., были обобщены в интересной работе Н.Л. Корженевского «Муксу и ее ледники»[57]. В ней впервые дается блестящая характеристика орогидрографии бассейна р. Муксу, приводятся сведения о характере и режиме этой высокогорной реки, предпринимается попытка классификации типов рельефа долины и детально описываются ледники и древнегляциальные формы рельефа. Эти данные Н.Л. Корженевского не были лишены и прямого практического значения, ибо ученым характеризуется бассейн одного из главных истоков р. Вахш, имеющего важную роль в водо-и энергообеспечении Таджикистана.

Следует отметить, что основным методом экспедиционной деятельности в регионе в 20-е годы XX века был так называемый «метод географических исследований». Фактически все исследования, включая и требующие лабораторных работ, проводились через географичность метода. Все экспедиции среднеазиатских научных, включая и направляемые для изучения Памира и Припамирья, центров «имели единую направленность – изучение естественных производительных сил: почвы, растительности, животного мира, полезных ископаемых и т.д. и, наконец, более были связаны с территорией, чем с разрешением каких-либо теоретических вопросов»[58].

В 1927 году на Памире и Дарвазе действовали две научные экспедиции – Памирская геологическая экспедиция, организованная Всесоюзным Геологическим комитетом, и Дарвазская экспедиция САГУ. И.А. Райкова являлась членом обеих экспедиций.

В Памирскую геологическую экспедицию, под руководством Д.В. Наливкина – заведующего Среднеазиатской секцией Геологического комитета, входили также инженер-разведчик П.П Чуенко, два студента САГУ в качестве коллекторов – В.И. Попов и Г.Л. Юдин, а также, как было упомянуто, ботаник И.А. Райкова.

Согласно первоначальному плану, как его описывал Д.В. Наливкин в письме к И.А. Райковой, экспедиция должна была пройти маршрутом «Дюшанбе – Чильдара – Таби-дара – пер. Сары-об – пер. Возгана – Кала-

[57] Корженевский Н. Л. Муксу и ее ледники // Труды Гидрометеорол. отдела Среднеазиатского метеорологического института). – 1927. – Т. I. – Вып. I. Материалы по изучению оледенения гор Средней Азии. – С. 7-66.

[58] Очерк научно-исследовательской деятельности Среднеазиатского государственного университета. 1920-1935 // Бюллетень САГУ. – 1935. – Вып. 20. – С. 244.

и-Хумб – Пяндж – долина Ванча – пер. Гушхан (или Пяндж) – долина Язгулема – пер. Одуди (или Пянджа) – Кала-и-Вамар – Пяндж – Хорог – долина Шах-дара – Пяндж – долина Андер-об – Ишкашим – Лянгар – долина Мас – Турум-тай-куль – пер. Хоргош – Зор-куль – пер. Шурбулак – Ак-су – Памирский пост – бассейн Ранг-куля – пер. Кызылджиик – Кара-куль – Кызыл-арт – Ош. Более длительное пребывание предполагается в долине Ванча и возможно Язгулема, в Таране, Вахане, возвышенностях к югу от Памирского поста до долины Музкола». Кроме того предполагалось, если представится возможность, то экспедиция должна была посетить на территории Афганистана Бадахшан, долину Вахан-дарьи, а также Тагдумбаш. Кроме того, предполагалось и посещение китайского Памира. Для этого для членов экспедиции испрашивалась афганская и китайская визы. Но, по словам Д.В. Наливкина, эти «маршруты носят секретный характер и об них ведется секретная переписка»[59]. Однако, в реальности экспедиция не смогла выполнить первоначальную программу полностью, так как разрешения от китайских и афганских властей получено не было.

Геологи прошли от пер. Кызыл-Арт до оз. Зор-Куль, оттуда к Ишкашиму, затем по долинам Пянджа, Язгулема и Ванча к Калай-Хумбу, через пер. Хобу-Рабат и по долине Оби-Хингоу достигли района Оби-Гарма. Вдоль этого пути впервые составлялись маршрутные геологические карты масштаба 1:420.000, реже 1:210.000. Этим было начато изучение строения отдельных участков Памира. Существовавшая до этого геологическая карта, составленная Я.С. Эдельштейном и дополненная А.В. Нечаевым и С.Н. Михайловским, охватывала лишь Дарваз.

Важными геологическими результатами экспедиции 1927 г. явились также находка П.П. Чуенко окаменелостей древних (ордовикских) животных, до того на Памире неизвестных, и первое обнаружение им остатков позднепалеозойских гониатитов на Юго-Восточном Памире. Экспедицией впервые были обнаружены молодые (юрские и меловые) породы на юге Северного Памира, впервые на Памире в долинах Пшарта и Аксу установлены молодые граниты – мезозойские или кайнозойские.

На В.И. Попове, являвшийся в то время студентом САГУ, лежал сбор минералого-петрографических и геоморфологических наблюдений[60]. Позже результаты этих исследований В.И. Попова были положены в основу ряда публикаций[61].

---

[59] НАУз. Ф. Р-2671. Оп. 1. Д. 178. Л. 1.

[60] ЦГАГТ. Ф. 38. Оп. 3. Д. 1978. Л. 5.

[61] Наливкин Д.В., Попов В.И., Чуенко П.П., Юдин Г.Л. Геологическое строение Памира // Труды Всероссийского геолого-разведывательного объединения НКТП СССР. – М.-Л., 1932. – Вып. 182; Попов В.И. Материалы по истории древнего оледенения Памира, Бадахшана и Дарваза // Труды Всесоюзного геолого-разведочного объединения НКТП СССР. – М.-Л.: Геолразведиздат, 1932.– Вып. 242.

И.А. Райкова была приглашена Д.В. Наливкиным для работ в ней в качестве коллектора и метеорологического наблюдателя (7 мая 1927 г.)[62]. Кроме этого она взяла на себя также определение высот, данные которых после обработки вскоре были опубликованы[63]. Но, естественно, основной задачей, стоящей перед И.А. Райковой, были ботанические исследования и сбор гербария, чем она активно за время пребывания в экспедиции (21 мая – 14 сентября 1927 г.) и занималась. До 30 июня все члены экспедиции двигались вместе. Затем на реке Мац экспедиция разделилась на две группы: Д.В. Наливкин и И.А. Райкова спустились вниз по реке Памир, затем отправились по р. Пянджу; другая группа во главе с П.П. Чуенко направилась в сторону перевала Мац, а оттуда к истокам Шахдары и по ее долине к Хорогу. Уже 2 июля Д.В. Наливкин и И.А. Райкова вышли к Пянджу, где продолжили свои исследования. Результаты исследований Д.В. Наливкина нашли отражение в нескольких публикациях[64].

И.А. Райкова занималась сбором материалов по культурной растительности; также в ее задачу входило подробное описание дикого винограда. При этом стоит заметить, что изучение дикого винограда в это время стояло в центре внимания биологов САГУ, собиравших в эти годы материал по ампелографии[65]. Двигаясь вместе с Д.В. Наливкиным И.А. Райкова сделала целый ряд интересных открытий растений и дикого винограда. От перевала Одуди И.А. Райкова двигалась по следующему маршруту: кишлак Матраун – кишлак Джамалак – перевал Гушхон – кишлак Ванч – вниз по реке Пяндж, с заездом на Висхарви, до Ушхарва.

Первоначально И.А. Райкова двигалась вместе с геологом Д.В. Наливкиным, но от кишлака Ванч-Рохарв маршрут и темпы работы геологов и ботаника перестали совпадать. Наблюдения по программе П.А. Баранова требовали почти полустационарной работы. И.А. Райкова, отделившись от Д.В. Наливкина, стала медленно спускаться вниз по долине Пянджа, занимаясь преимущественно обследованием виноградников. Через кишлак Курговат она добралась до кишлака Ушхарв, близ Калаи-Хумба, где 13 августа встретилась с остальными членами Дарвазской экспедиции САГУ.

Членами Дарвазской экспедиции САГУ, соорганизатором которой вместе с Университетом выступило Общество для изучения

---

[62] НАУз. Ф. Р-2671. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.

[63] Райкова И.А. Материалы к характеристике климата и высот Таджикистана // Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. – Ташкент, 1928. – Т. 1. – С. 196-221.

[64] **Наливкин Д.В.**, Чуенко П.П., Попов В.И., Юдин Ю.Л. **Геологическое** строение **Памира**: **Обзор геологии Памира и Бадахшана**. // Труды Всесоюзного геолого-разведочного объединения НКТП СССР. – М.-Л.: Геолразведиздат, 1932.– Вып. 182. – 104 с.

[65] **Ампелогра́фия** (греч. ampelos – виноград, grapho – пишу) – наука о видах и сортах винограда, о закономерностях изменчивости их свойств под влиянием среды и направленного воздействия человека.

Таджикистана и иранских народностей за его пределами[66], помимо начальника П.А. Баранова являлись Н.Д. Леонов и И.А. Райкова, а также технический персонал. Первоначально экспедиция преследовала цель изучения дикорастущего винограда Дарваза. Однако экспедиция попутно занималась также ботанико-географическими исследованиями и ботаническими сборами. Первая часть экспедиции (П.А. Баранов и Н.Д. Леонов) шла от Душанбе, через Каратегин и вступила в Дарваз через Тоби-дара.

После соединения, члены экспедиции в течение 12 дней (17-29 августа) подробно обследовали все поля и насаждения по обоим берегам р. Ванч вплоть до истоков, до ледника Кашал-аяк. Спустившись вниз по Пянджу, экспедиция снова пошла по реке Висхарви до перевала, а затем перевалила в долину реки Обидарахтах. После ее осмотра, обследовали верховья реки Обихингоу и через перевал Гардани-Кафтар прошли урочище Пули-сангин. Перевалив через хребет Петра Первого, члены экспедиция прошли в долину рек Муксу, а затем по Алайской долине быстро добрались до Дараут-кургана (11 сентября). Через перевал Тенгиз-бай направились в город Фергану, куда прибыли 14 сентября[67].

После возвращения в Ташкент члены Дарвазской экспедиции выступили с рядом докладов. На заседании местного Ботанического общества П.А. Баранов осветил ландшафты маршрута Дарвазской экспедиции и сделал доклад о культурной растительности Дарваза. И.А. Райкова в Географическом обществе выступила с сообщением «Растительные ландшафты Дарваза», в сопровождении диапозитивов, демонстрацией экспонатов и фотографий. Также она в Ботаническом обществе выступила с докладом «К характеристике растительности Памира». Кроме этого, итоги экспедиции были сообщены на III съезде ботаников[68] и опубликованы в его трудах[69] и других изданиях[70].

---

[66] Шагалов Е.С. Первое научное общество Таджикистана (Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами). – Душанбе: Дониш, 1966. – С. 19.

[67] Баранов П.А., Райков И.А. Дарваз и его культурная растительность // Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. – Ташкент, 1928. – Т. 1. – С. 2. Подробный маршрут экспедиции см.: Райкова И.А. Дарвазская Ботаническая экспедиция 1927 года // Бюллетень САГУ. – 1928. – Вып. 17. – С. 150-152.

[68] Донцова З.Н. Илария Алексеевна Райкова. 1896-1981. – М.: Наука, 1988. – С. 52.

[69] Баранов П.А. Дикорастущий виноград Средней Азии и проблема происхождения многообразия его сортов // Дневник 3-го Всесоюзного съезда ботаников в Ленинграде в январе 1928 г. – Л., 1928; Он же. Дарваз, его природа и культура // Там же; Райкова И.А. Растительные ландшафты Памира // Там же. – С. 123-126.

[70] Райкова И.А. Материалы к характеристике климата и высот Таджикистана // Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. – Т., 1928. – Т. 1. – С. 196-221; Она же. Памирская экспедиция 1927 г. (Ботаническая часть) // Бюллетень САГУ. – 1928. – Вып. 17. – С. 145-150; Она же. Дарвазская Ботаническая экспедиция 1927 года // Там же. – С. 150-152; Баранов П.А., Райкова И.А. «Дикий» виноград Средней Азии. II. Дарваз // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. – 1930. – Т. 24. – Вып. 1. – С. 319-351; Она же. Растительные ландшафты Памира. – Т.: Издательство САГУ, 1930. – 24 с.

Окончательные результаты Дарвазской экспедиции легли в основу большой совместной работы П. А. Баранова и И.А. Райковой[71]. В ней они писали: «1. Дарваз, как естественно-географическая область, характеризующаяся на всем протяжении горным характером своего ландшафта, явился сосредоточением значительного количества форм культурных растений, несмотря на крайнюю ограниченность естественных площадей для развития земледельческой культуры. 2. Основными местами для развития культурной жизни в Дарвазе являются конусы выносов горных речек и, отчасти, покрытые мелкоземом приречные террасы. 3. Ряд характерных особенностей культурных растений Дэрваза выявляет его как типичного представителя юго-западно-азиатского центра происхождения культурных растений. 4. Как с точки зрения ботанико-географической, так и со стороны своей культурной растительности Дарваз, несмотря на свою орографическую изолированность, не представляет резко ограниченной от смежных районов[72].

В результате исследований экспедиции, прежде всего И.А. Райковой, было обнаружено широкое распространение на Восточном Памире почвенных лишайников в сообществах сухих местообитаний, на поверхности древних морен, на такыроподобных площадках, где они играют громадную роль, покрывая как бы налетом местами чуть ли не всю поверхность между кустиками растений[73].

В отчетах Туркестанского ботанического сада при описании обмена семенами с другими садами отмечается особая ценность семян, привезенных экспедицией, и, прежде всего, И.А. Райковой, с Памира. Там же сообщается, что в саду заложен участок памирских растений, привезенных ею из экспедиции[74].

Собранные экспедицией геоботанические материалы весьма существенно расширили представления о характере растительности и ее различиях между Восточным Памиром и Дарвазом. Дарвазская экспедиция САГУ 1927 г. обнаружила развитие земледелия на высоте 3200 м над уровнем моря на реке Пяндж и 2600 м над уровнем моря на Ванче и Висхарви. Именно здесь П.А. Баранов и И.А. Райкова заинтересовались верхним пределом земледелия. Так они отмечали: «…сопоставление естественных условий, маршрутное изучение влияния отдельных факторов на дикие растения, наблюдения над условиями культуры в верхних очагах земледелия, наблюдения над растительностью в этих верхних очагах естественно толкнули мысль

[71] Баранов П.А., Райков И.А. Дарваз и его культурная растительность // Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. – Т., 1928. – Т. 1. – С. 1-101

[72] Баранов П.А., Райков И.А. Дарваз и его культурная растительность // Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. – Т., 1928. – Т. 1. – С. 108.

[73] Райкова И.А. Растительные ландшафты Памира. – Т.: Издательство САГУ, 1934. – 24 с.

[74] Донцова З.Н. Илария Алексеевна Райкова. 1896-1981. – М.: Наука, 1988. – С. 53.

поднять выше границу земледелия, начать работу по внедрению культурного растения в суровые условия Восточного Памира»[75].

В целом итоги Дарвазской экспедиции САГУ 1927 г. можно охарактеризовать следующими цифрами: 1. Определены высоты 120 пунктов; 2. Собран гербарий из 5000 экземпляров цветковых растений; 3. Идентифицированы лишайники со 153 местообитаний; 4. Подготовлено 200 проб с водорослями; 5. Сделано 400 снимков ландшафтов пути, отдельных фитоценозов и снимков этнографического характера; 6. Описано 100 ботанических участков (пробных площадок); 7. Собрано большое количество семян культурных и дикорастущих растений, луковицы и клубни[76].

Летом 1927 г. М.С. Андреев совершил экспедицию в Ягноб для изучения языка ягнобцев и их быта. Среди участников экспедиции были один бывший и один уже окончивший обучение студенты Востфака САГУ. Экспедиция была снаряжена на средства Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, а также Средазкомстариса. Экспедицией был привезен очень обширный материал, обработка которого заняла несколько лет[77].

Еще одна экспедиция была отправленная на Памир Совкино совместно с Геологическим комитетом. Среди задач экспедиции было «заснять природу и быт высочайшего Памирского плоскогорья и прилегающих к нему районов, представляющих значительный научный интерес». Руководителем съемок являлся В. Ерофеев. Консультантами были этнограф М.С. Андреев и геолог Д.В. Наливкин. Экспедицией, среди членов которой были ботаник и геологи были изучены следы древнего оледенения, остатки которого сохранились под почвой на берегу озера Кара-куль. А юго-западнее Кара-куля, экспедицией был открыт новый хребет Зор-таш-кол. Пройдя по восточному Памиру, через поселок Мургаб, экспедиция вышла затем на западный Памир. Во время экспедиции велись съемки, итогом которых явился фильм под названием «Крыша мира. Экспедиция на Памир»[78].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Изучение региона, включая Памир и соседние с ним районы, осознавалось новыми советскими властями Туркестана как одна из приоритетных задач, что было связано с пониманием важности ресурсной базы для дальнейшего укрепления экономической и промышленной базы власти большевиков в Центральной Азии.

---

[75] Баранов П.А., Райкова И.А. Среднеазиатский государственный университет в борьбе за освоение Памира // Бюллетень САГУ. – 1935. – Вып. 20. – С. 275.

[76] Райкова И.А. Памирская экспедиция 1927 г. (Ботаническая часть) // Бюллетень САГУ. – 1928. – Вып. 17. – С. 145-150.

[77] ЦГАГТ., ф. 38, оп. 1, д. 207, л. 107. Некоторые краткие результаты экспедиции см.: Экспедиция в Ягноб в 1927 г. под руководством М.С. Андреева // Бюллетень САГУ. – 1928. – Вып. 17. – С. 162-168.

[78] Экспедиция на Памир 1927 г. // https://www.youtube.com/watch?v=66E0zgaYgNk (дата обращения: 08.11.2023)

Поэтому, несмотря на нехватку денежных средств и недостаточную урегулированность внутренней стабильности в регионе, путем подавления антибольшевисткого сопротивления, Советская власть отправляла научные экспедиции для научного изучения и обследования региона, для поиска месторождений полезных ископаемых, биологического и географического обследования региона.

Локомотивом этих исследований являлий преподователи и профессора Туркестанского, затем Среднеазиатского государственного университета – Н.Л. Корженевский и И.А. Райкова. Именно благодаря их усилиям была заложены база для дальнейшего научного изучения Памира и прилегающих районов. Именно узбекистанские ученые первыми начали подлинное и углубленное изучение Памирского региона.

Начиная с 1923 г. почти каждый год, вплоть до 1928 г. на Памир и Припамирье отправлялись научные экспедиции, в основном снаряжаемые ТОРГО, САГУ и Обществом для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Эти экспедиции внесли важный вклад в изучение географии, геологии, флоры и фауны, этнографии местного населения и его лингвистическому изучению.

Дальнейшее комплексное изучение Памира находилось в теснейшем взаимодействии с начавшимися с 1928 года экспедициями под эгидой АН СССР и курируемая Правительством СССР.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев М.С. Выработка железа в долине Ванча. Из материалов, собранных экспедицией Общества для изучения Таджикистана и Средазкомстариса, бывшей летом 1925 года. – Т., 1926. – 17 с.
2. Андреев М.С. К материалу по среднеазиатской керамике. Запись экспедиции от Общества для изучения Таджикистана и Средазкомстариса, работавшей в пределах Таджикистана летом 1925 года. – Т., 1926. – 18 с.
3. Андреев М.С. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира. – Т., 1828. – 41 с.
4. Андреев М.С. По Таджикистану. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 году. Т., 1927. – Вып. I. – 83 с.
5. Баранов П.А. Дикорастущий виноград Средней Азии и проблема происхождения многообразия его сортов // Дневник 3-го Всесоюзного съезда ботаников в Ленинграде в январе 1928 г. – Л., 1928. – С. 70-71.
6. Баранов П.А., Райков И.А. Дарваз и его культурная растительность // Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. – Т., 1928. – Т. 1. – С. 1-108.

7. Баранов П.А., Райков И.А. Среднеазиатский государственный университет в борьбе за освоение Памира // Бюллетень САГУ. – Т., 1935. – Вып. 20. – С. 273-319.
8. Баранов П.А., Райкова И.А. «Дикий» виноград Средней Азии. II. Дарваз // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. – 1930. – Т. 24. – Вып. 1. – С. 167-282.
9. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь. – М.: Восточная литература 2005. – 293 с.
10. Благовещенский А.В. Из воспоминаний о работе в первом университете Средней Азии // Память трудных дорог. Сборник воспоминаний. – Т.: Ўқитувчи, 1980. – С. 52-98.
11. *Джунисбаев А.А.* Ученические и студенческие годы С.Д. Асфендиарова (1889-1912 гг.) // Проблемы современной исторической науки: новые направления и подходы: Матер. междунар. «Бекмахановских чтений». – Алматы. 2010. – С. 147-151.
12. Донцова З.Н. Илария Алексеевна Райкова. 1896-1981. – М.: Наука, 1988. – 134 с.
13. *Камалиев М.А.* С.Д. Асфендияров: жизнь – подвиг (К 125-летию со дня рождения) // Вестник КазНМУ. – 2014. – № 2(4). – С. 226-229.
14. Корженевский Н.Л. По реке Мук-су (От Памира до Каратегина) // Туркестанские ведомости. – 1904. – № 159.
15. Корженевский Н.Л. По реке Мук-су (От Памира до Каратегина) // Ежегодник Русского горного общества. – 1905. – Т. V. – С. 77-94.
16. Корженевский Н. Л. Краткий отчет о поездке на Памир летом 1923 г. // Известия ТОРГО. Т. XVII. – Т., 1924. – С. 87-97.
17. Корженевский Н.Л. Из наблюдений на Памире летом 1923 г. // Вестник ирригации. – 1924. – № 1. – С. 50-57.
18. Корженевский Н.Л. Предварительный отчет об осмотре ледников в верховьях р. Мук-су летом 1924 г. // Известия ТОРГО. Ташкент, 1924. – Т. XVII. – С. 55-60.
19. Корженевский Н.Л. Истоки реки Танымас. Предварительное сообщение о поездке на Памир летом 1925 г. – Ташкент, 1926. – 31 с.
20. Корженевский Н.Л. Муксу и ее ледники // Труды Гидрометеорол. отдела Средазиатского метеорологического института). – Т., 1927. – Т. I. – Вып. I. Материалы по изучению оледенения гор Средней Азии. – С. 7-66.
21. Корженевский Н.Л. Озеро Яшиль-Куль (Материалы к лимнологии Памира) // Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народов за его пределами. – Т., 1928. – Т. 1. – С. 32-39.
22. Махмудов О.А. На «окраине» бывшей империи: революционные события, формирование и эволюция органов власти и Гражданская война на Памире (по архивным материалам // **Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний,**

1917-1922: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 10-13 июня 2019 г.). – СПб.: Нестор-История, 2020. – С. 451-464.

23. Муханов А.В. Памирский район. – Т., 1912. – 110 с.
24. Наливкин Д.В., Попов В.И., Чуенко П.П., Юдин Г.Л. Геологическое строение Памира // Труды Всероссийского геолого-разведывательного объединения НКТП СССР. – М.-Л., 1932. – Вып. 182. – С. 1-104.
25. Очерк научно-исследовательской деятельности Среднеазиатского государственного университета. 1920-1935 // Бюллетень САГУ. – 1935. – Вып. 20.
26. Писарчик А.К. Михаил Степанович Андреев // Памяти М.С. Андреева (Труды Академии наук ТаджССР. – Душанбе, 1960. – Т. 120). – С. 3-20.
27. Попов В.И. Материалы по истории древнего оледенения Памира, Бадахшана и Дарваза // Труды Всесоюзного геолого-разведочного объединения НКТП СССР. – М.-Л.: Геолразведиздат, 1932. – Вып. 242. – С. 1-53.
28. Райкова И.А. Дарвазская Ботаническая экспедиция 1927 года // Бюллетень САГУ. – 1928. – Вып. 17. – С. 150-152.
29. Райкова И.А. Материалы к ботанико-географической характеристике Памира // Известия ТОРГО. – Т., 1924. – Т. XVII. – С. 80-87.
30. Райкова И.А. Памирская экспедиция 1927 г. (Ботаническая часть) // Бюллетень САГУ. – 1928. – Вып. 17. – С. 145-150.
31. Райкова И.А. Растительные ландшафты Памира. – Т.: Издательство САГУ, 1934. – 24 с.
32. Шагалов Е.С. Первое научное общество Таджикистана (Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами). – Душанбе: Дониш, 1966. – 32 с.
33. Экспедиция в Ягноб в 1927 г. под руководством М.С. Андреева // Бюллетень САГУ. – Т., 1928. – Вып. 17. – С. 162-168.
34. Экспедиция на Памир 1927 г. // https://www.youtube.com/watch?v=66E0zgaYgNk (дата обращения: 08.11.2023

ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА СЕЛЬСКОХОЗ--ЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ПРОМЫШЛЕННУЮ БАЗУ: УСПЕХИ И НЕУДАЧИ

Обломурадов Наим Халимович –

Профессор Ташкентского государственного экономического университета, доктор исторических наук

Аннотация: *В статье освещается практика перевода сельскохозяйственного производства Узбекистана на промышленную базу в период бывшего СССР, достигнутые успехи и неудачи в этой сфере. Анализируются основные направления изучения проблем аграрной истории Узбекистана в 1971-1999 годах, достижения и текущие проблемы. В исследуемый период одним из стратегических направлений аграрной политики Узбекистана было укрепление материально-технического потенциала сельского хозяйства, перевод его на промышленную базу, механизация сельскохозяйственных трудовых процессов, внедрение прогрессивных методов хлопководства и выращивания хлопка и её обработка.*

Ключевые слова: *Монопартийная идеология, рабочий класс крестьян, хлопковая монополия, советские десятилетия, аграрная политика, машинно-тракторный парк, программа комплексной механизации, политика перестройки.*

Abstract: *The article scientifically covers the practice of transferring agricultural production in Uzbekistan to an industrial base during the period of the former USSR: successes and failures. In 1971-1999, the main directions of studying the problems of the agrarian history of Uzbekistan, the achievements achieved and current problems are analyzed. During the period under study, one of the strategic directions of Uzbekistan's agricultural policy was to strengthen the material and technical potential of agriculture, transfer it to an industrial base, mechanize agricultural labor processes, and introduce progressive methods of cotton growing and cotton cultivation. treatment.*

Key words: *Mono-party ideology, peasant working class, cotton monopoly, Soviet decades, agricultural policy, machine and tractor fleet, comprehensive mechanization program, perestroika policy.*

Изучение и решение проблем аграрной истории Узбекистана имеет большое научно-образовательное и общественно-политическое значение в активизации предпринимательского потенциала узбекских земледельцев. Сельские рабочие являются одной из крупнейших социальных групп в Узбекистане. От их усилий во многом зависят формирование эффективного сельскохозяйственного производства в республике, стабилизация экономической ситуации, успешное решение задач улучшения социально-политического климата. В то же время в исследуемый период явно преобладал неправильный методологический подход в оценке роли крестьян. Исходя из основных постулатов монопартийной идеологии, правящая партийно-государственная элита считала крестьян исторически мертвым классом[1] стратегии и тактике развития сельского хозяйства последовательно продолжался путь замены крестьянина «государственным работником на земле». Все эти и многие другие причины привели к ряду негативных последствий, прежде всего к отчуждению крестьян от результатов своего труда и средств производства.

Поэтому выработка реалистического мировоззрения, пропорционального оценке места земледельца в системе товарно-рыночных отношений и его роли в общественном развитии, стала насущным требованием времени. Важно было сохранить положительный потенциал и в то же время отвергнуть сложившиеся бюрократические, околонаучные слои, выявить все, что могло помешать цивилизованному развитию сельского хозяйства, обеспечить достойные условия жизни сельского населения. Хронологические рамки исследования охватывают 1971-1990 годы.

[1] Голованов А. А. Крестьянство Узбекистана: эволюция социального положения. 1917-1937 гг. – Ташкент, 1992. СII-32.

Этот период занимает особое место среди основных этапов бытовой, особенно аграрной истории. Его уникальность связана с тесной связью процессов застоя и реформирования. Ретроспективный анализ событий, фактов, основных тенденций аграрного сектора этого периода, с одной стороны, позволяет глубже понять генетические дефекты проводившейся на протяжении нескольких десятилетий сельскохозяйственной политики, а с другой стороны, почему вместо прогресса республиканское сельское хозяйство попало в кризисную ситуацию, как это было во всем СССР.

В исследуемый период одним из стратегических направлений аграрной политики было укрепление материально-технического потенциала сельского хозяйства, перевод его на промышленную базу, обеспечение механизации сельскохозяйственных трудовых процессов. В аграрном секторе рассматривался как сочетание научно-технических идей с потребностями крупного промышленного сельскохозяйственного производства.

Партийные власти рассматривали индустриализацию сельскохозяйственного производства вне социальных проблем и считали, что ее конечной целью является превращение сельскохозяйственного труда в разновидность промышленного труда. Основными элементами этого периода были объявлены комплексная механизация сельского хозяйства и животноводства, укрепление материально-технической базы, сокращение сельскохозяйственного производства.

Анализируя активно критикуемые в настоящее время положения аграрной политики советских десятилетий, в том числе проблемы, связанные с научно-техническим прогрессом в сельском хозяйстве, следует отметить, что некоторые из них оправдали себя и способствовали подъему сельскохозяйственного производства. Таким образом, необходимо было быстрыми темпами внедрять передовые технологии, укреплять материально-техническую базу сельскохозяйственного производства.

Однако, в целом, в аграрной системе таились глубокие противоречия, которые не были ясно видны, поскольку сама система была разделена на временные периоды – пятилетки и не представляла собой последовательно разработанной программы, тесно связанной с национальными и социальными проблемами населения областей и республик.

Кроме того, серьезным недостатком аграрной политики изучаемого периода является не только игнорирование специфических особенностей сельскохозяйственного производства, территориального аспекта, но и стремление создать как можно скорее такую

систему сельскохозяйственного производства, которая облегчает централизованное планирование и реализацию инженерных разработок, хозяйственную, агротехническую деятельность в масштабах сельского хозяйства всего СССР. На практике это означало тенденцию к укрупнению колхозов и постепенному преобразованию их в совхозы и другие государственные сельскохозяйственные предприятия.

Все это вместе с другими факторами механизма торможения отечественной экономики, в том числе ее аграрного сектора, серьезными просчетами в научно-технической и социальной политике, объективно крайне противоречивыми процессами формирования материально-технической базы сельского хозяйства, внедрения научных и технические достижения в этом направлении предопределили противоречия, которые были характерны не только для развития сельского хозяйства Узбекистана.

Материалы исследования показывают, что в 60-х и начале 80-х годов основные принципы и правила проведения научно-технической политики в сельском хозяйстве были разработаны на съездах Коммунистической партии. В соответствии с принятыми ею решениями была начата работа по внедрению научно-технического прогресса в сельское хозяйство Узбекистана. Деятельность руководства республиканской партии было направлено на внедрение комплексной механизации хозяйственных органов, научных учреждений, создание условий для увеличения техники и энергообеспеченности, совершенствование организации сельскохозяйственного производства и труда, и по определённым причинам приоритет отдавался внедрению научно-технических достижений в выращивание хлопка.

Однако упомянутая выше несогласованность политических решений и практики их реализации отразилась на содержании и последствиях технической политики в хлопководстве: многие инициативы оказались не только неэффективными, но имели и негативные последствия.

В изучаемые годы, в то время, когда очередные поправки в аграрной политике еще не были утверждены, в документах, принятых органами управления Узбекистана, важнейшей проблемой сельского хозяйства в условиях республики стал перевод хлопководства в процесс промышленного производства[2] и было отмечено, что внедрение прогрессивных методов посева и переработки хлопчатника, последовательный переход к широкорядным посевам; использование более эффективных средств борьбы с сорняками продемонстрировало

[2] Архив Администрации Президента Республики Узбекистан. ф.58. Оп. 207.д.301.Л.104.

необходимость разработки и внедрения новых машин и механизмов для очистки внутрихозяйственных оросительных сетей, механизации погрузочно-разгрузочных и других вспомогательных работ, а также полной механизации уборки хлопка[3].

Аналогичные задачи по ускорению интенсификации и внедрению научно-технического прогресса в сельскохозяйственное производство выдвигались и в последующие годы.

Особое внимание было уделено увеличению производства современной сельскохозяйственной техники в рамках мероприятий по техническому оснащению села. Для решения этой проблемы заводам сельскохозяйственного машиностроения, прежде всего заводу «Ташсельмаш», была оказана эффективная поддержка в организации производства четырехрядных хлопкоуборочных машин, в реконструкции завода, что позволило организовать производство на его базе модифицированных хлопковых тракторов Г-28х4.

В то же время производство хлопководческой техники налажено на заводах «Узбексельмаш», «Чирчиксельмаш», «Узбекхлопкомаш», «Ташхимсельмаш», специализирующихся на выпуске сенокосилок, сеялок, культиваторов, машин для обработки полей перед посевом, расширилось производство инструментов борьбы с сельскохозяйственными вредителями.

Увеличение объемов производства сельскохозяйственной техники сопровождалось ее усовершенствованием. Таким образом, в конструкцию ходовых и сенокосных тракторов были внесены существенные изменения. В 70-х годах прошлого века главный приводной трактор ДТ-54 был заменен тракторами Т-4 и Т-4а мощностью 110-130 л.с. Приводные тракторы Т-28х4 и МТЗ-50х позволили более экономично внедрить широкорядный посев хлопчатника. В частности, если в 1965 г. таким прогрессивным способом было засеяно 1,5 тыс. га, то в 1970 г. площадь хлопчатника нашей республики составила 237 тыс. га при междурядьях 90 см[4]. В 1971-1975 годах площади широкорядных посевов хлопчатника увеличились в 1,2 раза[5]. Переход на сантиметровые междурядья позволил почти в 1,5 раза увеличить производительность труда механиков и набора обслуживаемых ими машин, используемых в этом междурядье. Например, при схеме посева и обработки посевов 60х60 см в двух направлениях при квадратноячеечном методе на одном тракторе обрабатывалось 35-40 га., а при междурядьях 90 сантиметров

[3] Архив Администрации Президента Республики Узбекистан. ф.58. оп. 204. л.529. л.63

[4] Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. В 4-х т. Т.3. – Ташкент: Узбекистан, 1988. С.538-540.

[5] Руководство Компартии Узбекистана внедрением достижений науки и техники в сельское хозяйство *в* условиях развитого социализма. – Ташкент: Узбекистан, 1984. С.130.

– 65-70 га. хлопчатника, при этом улучшилось качество полива, других полевых работ и выросла производительность труда.

Внедрение новой техники послужило освоению земледельцами и других прогрессивных технологий возделывания хлопка. Например, в 1971-1980 годах в хозяйствах республики широко применялась двухступенчатая вспашка. Его применение позволило повысить урожайность хлопка на 2-3 центнера. Кроме этого, двухступенчатая вспашка способствовала резкому сокращению (в 2-3 раза) однолетних сорняков, а также более эффективному осуществлению других сельскохозяйственных мероприятий.

Посадка высушенных семян на поле сеялками дала высокие результаты. Дело в том, что в изучаемые годы одним из самых трудоемких этапов выращивания хлопка была посадка рассады. Эта работа требовала от 45 до 50 человеко-часов на гектар обычной рядной посадки, а также затягивала время посадки. При посадке в гнездо определенного количества семян необходимость в унификации отпадала, и оставалось только проверять гнезда, что требовало в 4-5 раз меньше труда. Но при этом способе посадочная часть семян повреждалась, попадала в неблагоприятные условия и загнивала. Поэтому, помимо недооценки прогрессивности этого метода, он не получил широкого распространения в начале 70-х годов.

Только во второй половине 1970-х годов, в результате оснащения колхозов и совхозов более современными сеялками типа ССН-4ясень и т. д., все шире стал применяться метод посева высушенных семян точными сеялками. Только за 1975-1980 годы его площадь увеличилась в 1,3 раза.

В 70-е годы была проведена большая работа по совершенствованию комплекса хлопкоуборочных машин. в частности, вместо двухрядных зерноуборочных комбайнов ХВС-1,2 и ХТ-1,2, четырехрядных 14хб-2,4 с междурядьем 60 см и двухрядных машин 17х8-1,8 с междурядьем 90 см. Несмотря на значительный прогресс в развитии техники уборки хлопка, существовавшие машины все еще имели серьезные конструктивные недостатки. Они плохо собирали хлопок из нижних чаш. В результате на землю падало много хлопка. Большая часть его осталась в кустах. Поэтому перед учеными и конструкторами стояла задача создать хлопкоуборочную машину, лишенную подобных дефектов. Кроме того, сельское хозяйство остро нуждалось в универсальном самоходном хлопкоуборочном комбайне, способном эффективно собирать семенной и мелковолокнистый хлопок, а также собирать хлопок с земли.

Большой коллектив конструкторов хлопкоуборочных машин ГСКБ работал над комплексной проблемой создания хлопкоуборочных

машин, повышающих полноту сбора хлопка-сырца — главного агропоказателя. Благодаря их усилиям в 1972 году с конвейера завода «Ташсельмаш» была сошла новая четырехрядная машина «УН-3,6» для работы в широких междурядьях. За пять лет — с 1971 по 1976 год — завод поставил хлопководам более 35 000 «голубых кораблей», из которых 24 000 были четырехрядными, отличавшимися от двухрядной более высокой производительностью[6].

В 1976-1980 годах коллектив завода «Ташсельмаш» освоил более совершенную модель – шестирядную машину ХВ-5. Одновременно было начато производство машин ХВН-1, 2А, предназначенных для сбора тонковолокнистого хлопка и хлопкоуборочных машин ХВН-1, 2, ХВБ-1, 8. Два последних впервые в мире внедрили так называемый ступенчатый метод уборки и позволили механизировать процесс уборки семян хлопка.

Наряду с улучшением производственных характеристик сельскохозяйственных машин шел устойчивый рост производства за счет сокращения тракторов и сельскохозяйственных машин. Увеличение производства сельскохозяйственной техники на предприятиях Узбекистана и объемы поставок из союзных республик способствовали усилению технической оснащенности для сельскохозяйственного производства. Увеличение сельскохозяйственной техники, меры по обеспечению колхозов машинами и оборудованием обеспечили значительное укрепление материально-технической базы сельского хозяйства.

В результате мощность энергоресурсов на одну занятую в сельском хозяйстве технику увеличилась с 7,8 л.с. в 1970 г. до 11,8 л.с. в 1980 г. В десятой пятилетке по сравнению с восьмой производительность труда в колхозах, совхозах и межхозяйственных предприятиях в годовом исчислении выросла на 25%[7].

Другим результатом роста сельскохозяйственной техники стало расширение в определенной степени области механизации сельскохозяйственных работ. Особенно это проявилось в хлопководстве, где к концу десятой пятилетки большая часть была механизирована, а значительная часть тяжелого труда дехкан была передана машинам. В частности, практически полностью механизированным способом выполняются основные виды вспашки и предварительной культивации, а также посев с одновременным внесением удобрений и гербицидов, междурядная обработка и нарезка поливных борозд, подкормка посевов, одновременное внесение минеральных удобрений для борьбы с сельскохозяйственными

[6] Коммунист Узбекистана. 1975. №10. С.28-29.
[7] Народное хозяйство Узбекской ССР в 1980 году //Стат.ежегодник. – Ташкент, 1982. С.95.

вредителями. Была проведена механизированная дефолиация и многое другое. Удалось существенно механизировать самый трудоемкий процесс -уборку хлопка. Прогресс в других областях был более скромным.

Решение проблемы механизации ведущих отраслей аграрного комплекса продолжалось по пути не только увеличения производства сельскохозяйственных машин, но и совершенствования использования машин на полях и фермах, их технического обслуживания и ремонта. Для этого руководство республики предприняло организационные и технические меры для реконструкции ремонтных предприятий акционерного общества «Узсельхозтехника», а также в переводе их на индустриальные методы ремонта автотракторного парка[8].

Учитывая специфику сельского хозяйства Узбекистана, его ориентированность прежде всего на хлопок, политическое руководство республики сосредоточило внимание ученых на решении проблем, связанных с выращиванием и переработкой хлопка-сырца.

Ведущим научным учреждением по хлопководству в Азии был Всесоюзный научно-исследовательский институт хлопка (СоюзНИХИ), расположенный на окраине Ташкента. К началу анализируемого периода в его состав входили Андижанский, Кашкадарьинский, Голодностепский филиалы, Самаркандский, Бухарский, а также центральные научные отделы; Хорезмская, Сурхандарьская, Пахтааральская опытные станции, опытный совхоз имени XX съезда партии и Центральная опытная база. Он координировал работу всех научных и образовательных учреждений и ведущих исследователей Центральноазиатского региона по проблемам выращивания хлопка.

Важным событием в научной жизни республики в 1976 году стало создание Среднеазиатского отделения Национальной академии наук, ответственного за координацию научных исследований в области сельского, водного и лесного хозяйства. В следующем году состоялась сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина, на которой были рассмотрены задачи науки о хлопчатнике, в том числе селекции и сеяния, агротехники, орошения и мелиорации, повышения эффективности внесения удобрений, механизации, защиты растений, вредителей и болезней хлопчатника, определены вопросы дальнейшей разработки биологических мер борьбы с ними. Эти задачи отразили в своих исследованиях Среднеазиатское отделение ВАСХНИЛа, Академия наук Узбекистана, высшие учебные заведения республики.

Республиканские ученые, участвовавшие в программе развития сельского хозяйства в 1970-е годы, создали и внедрили в

[8] Архив Администрации Президента Республики Узбекистан. ф.56. оп. 289.д.298.Л.64-65.

производство высокоурожайные сорта хлопчатника, разработали дифференцированную систему севооборота с учетом местных почвенно-мелиоративных условий, изучили водостойкость сельскохозяйственных культур, характеристики гидромодулей и орошаемых земель в сельском хозяйстве Узбекистана, уделили внимание мелиоративному районированию, выведению перспективных пород скота и др.

Одной из актуальных задач, стоявших перед научным сообществом республики в рассматриваемый период, является создание ранних, устойчивых к вилту сортов хлопчатника с высоким содержанием высококачественного волокна, возможность повышения продуктивности средневолокнистых сортов до 70-80 центнеров с гектара, а тонковолокнистых сортов – до 40-50 ц/га, их адаптации к выращиванию и сбору урожая.

Особенно остро стояла проблема борьбы с увяданием. В конце 1960-х годов более миллиона гектаров земель, засеянных хлопчатником, были заражены вилтом, а потери урожая достигали 500-600 тысяч тонн. Основной причиной заболевания стало непрерывное выращивание этой культуры на одних и тех же полях в течение длительного времени.

Поэтому важно отметить вклад сотрудников Института экспериментальной биологии растений АН СССР в создание устойчивых сортов хлопчатника. Выращенная его учеными «Ташкентская» группа сортов хлопчатника позволила увеличить урожайность с 26,3 центнеров в 1966 году до 37,2 центнеров в 1960 году. Так, в 1974 году новые устойчивые к увяданию сорта «Ташкент-1», «Ташкент-2», «Ташкент-3» в связи с повышением урожайности были посажены на более чем 1 млн. га. земли. Экономический эффект от их внедрения превысил 300 млн. руб. Известный селекционер нашей республики, член-корреспондент Всероссийской академии сельскохозяйственных наук Содик Мирахмедов удостоен государственной награды за создание и внедрение новых сортов хлопчатника[9]. В этом плане эффективную работу провели сотрудники Андижанского филиала «СоюзНИХИ»: созданный ими сорт 175-ф менее подвержен заболеванию вилтом, чем стандартные сорта, а по урожайности превзошел «Ташкент-1» на 9 центнеров. Перспективными себя показали «Андижан-2», «Андижан-5», «Андижан-7», «Андижан-8» и другие сорта. В целом, к 1960 году учёные Узбекистана в содружестве и при поддержке Среднеазиатского региона и центральных научных отделов научно-исследовательских институтов вывели и внедрили в производство более 45 новых сортов

[9] Партийная жизнь. 1977. № 12. С.81.

хлопчатника.

Известно, что большие резервы увеличения производства сельскохозяйственной продукции достигают уровня земледелия. Учёные Института экспериментальной биологии растений АН Узбекской ССР предложили систему мер по повышению продуктивности орошаемых земель в десятой пятилетке. Суть ее заключалась в углублении обработки почвы. Были даны весьма практические рекомендации по интенсификации животноводства. В частности, ученые НИИ животноводства Узбекистана (УзНИИЖ) провели экспериментальную оценку основных вариантов промышленной технологии производства молока и говядины.

Благодаря их усилиям в улучшенных стадах удой от каждой коровы увеличился на 300-400 кг, удой молока на 0,1-0,2%, живая масса животных увеличилась на 50-70 кг, годовой экономический эффект возрос до 1 млн. руб.

Птицеводство в республике развивалось на основе научно-технических достижений. В этом плане большую роль сыграл запуск первой в Центральной Азии генетической селекционной станции по выведению жароустойчивых яичных и мясных сортов кур и получению ранних бройлеров. На производственном объединении «Узпищепром» в Андижане применен метод выращивания бройлеров в переоборудованных клетках, что позволило увеличить выход продукции с единицы площади птицеводства в 2,6 раза, снизить затраты кормов на 23%, затраты мяса на 42%, трудозатраты - на 37%, что позволило значительно увеличить культура производства.

В целом в результате принятых мер сельское хозяйство Узбекистана в 1961 году стало ведущей отраслью народного хозяйства. На долю агропромышленного комплекса республики в 1980 приходилось 43,3% основных производственных фондов, 42,6% валового общественного продукта, 44% численности работников, занятых в общественном производстве.

Однако сельскохозяйственный потенциал Узбекистана не был использован в полной мере. Как и во всей экономике СССР, со второй половины 1970-х годов, наряду с положительными тенденциями, все более реально стали проявляться тормозящие факторы. Несмотря на усилия сельских тружеников, рост производства и закупок основных продуктов питания, их потребление на душу населения стало отставать не только от показателя, установленного для Узбекистана, но и от среднего уровня по Союзу.

Определенное представление об уровне потребления основных продуктов питания на душу населения в Узбекистане в 1976 и 1960-х годах дают показатели таблицы 1.

Таблица 1

Уровень потребления продуктов питания на душу населения Узбекистана (кг)

Наименование продукта	Рациональная норма	1975 г.	1980 г.	1980 г. в % к	
				1975 г.	рациональной норме
Мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо)	82	31	30,6	98,7	20,3
Молоко и молочные продукты (в пересчете на молоко)	40	165	182	110,3	20,2
в т.ч. масло животное	3,6	2,2	2,4	109,1	66,7
Яйца (штук в год)	292	93	89	95,7	29,9
Рыба и рыбопродукты	25	4	4	100,0	6,1
Сахар	33	21,2	10	101,4	65,2
Масло растительное	10	8,5	10	117,6	100,0
Хлебные продукты	136	165	173	104,3	127,2
В том числе					
Рис	8,2	19,5	23,3	119,5	2,8
Гречневая крупа	1,9	0,28	0,12	42,9	6,3
Бобовые	2,3	0,08	0,5	6,3	21,7
Картофель	58	31	26,3	84,8	45,3
Овощи	99	40,3	90,2	223,8	91,1
Бахчевые	34	36,7	35,4	96,5	104,1
Фрукты и ягоды	72	36,5	33,3	91,2	46,3
Виноград	20	7,6	8,8	115,8	44
Цитрусовые	2	0,3	0,24	80,0	12,0
Чай	1,8	1,45	1,34	92,0	74,4

Приведённые цифры показывают, что к концу 1970-х годов потребление населением Узбекистана мяса, молока, яиц, рыбы и рыбопродуктов, картофеля, сахара и гречки значительно снизилось. Причиной такого положения стал кризис административно-тоталитарной системы управления, командные методы управления, субъективизм, отсутствие здоровых рыночных отношений, что привело к ощутимому упадку в области научно-технического развития.

Например, на реализацию программы комплексной механизации негативное влияние оказали задержка в создании новых видов техники, медленное освоение производства новых, совершенных машин предприятиями объединения «Союзмашхлопководство», перебои в реализации планов по поставке техники в колхозы и

совхозы, а также недостаточное внимание к механизации многих видов сельскохозяйственных работ.

Например, возьмем выращивание хлопка. На первый взгляд, здесь были достигнуты значительные успехи, однако затраты на рабочую силу при выращивании хлопка оставались очень высокими. В десятой пятилетке они составили в среднем 920 человеко-часов на гектар. Это объяснялось, прежде всего, тем, что, несмотря на большие усилия, многие виды работ были совершенно не механизированы, а потому требовали большого количества ручного труда. С другой стороны, существовавшая техника не всегда могла удовлетворить потребности земледельцев, не отвечала требованиям передовой агротехники. Это вызывало серьёзное недовольство сборщиков хлопка. Хлопкоробов не устраивала ненадежность и низкая эффективность конструкции. Сбор и очистка хлопка-сырца в период сбора урожая стали большой проблемой. Тракторы нуждались в значительной структурной модернизации. Дело в том, что для выращивания хлопка нужен был гусеничный трактор высокого класса. В документах управления, принятых в рассматриваемые годы, указывается на интенсификацию выращивания хлопка, особенно введение широкорядных, 90 см. посевов, за счет которого увеличивался урожай сельскохозяйственной продукции. Улучшению качества выращивания и орошения хлопка, созданию условий для механизации обработки хлопчатника, внедрению широкорядных культур мешало ограниченное производство тракторов новой конструкции.

Серийные хлопкосеялки, культиваторы, опылители и опрыскиватели не отвечали растущим потребностям хлопководства. Так, к 1980 году вопрос механизации загрузки сеялок семенами и удобрениями не был до конца решен. Хотя модели пневматических сеялок были созданы, они не дали ожидаемых результатов из-за конструктивных недостатков. К тому же не были разработаны эффективные средства борьбы с сорняками.

Прежде всего, механизация наиболее трудоемкого процесса - уборки хлопка потребовала значительного увеличения производства современных хлопкоуборочных машин, более мощных тракторов модели МТЗ-80х, тракторных прицепов и погрузочной техники. Из-за отсутствия достаточного количества этого оборудования во многих хозяйствах процесс уборки урожая замедлялся. Для механизации уборки этих культур необходимо было оснастить хозяйства уборочными машинами для мелколистных сортов хлопчатника.

Необходимо было улучшить организацию труда механизаторов, создав заготовительные и транспортные отряды и четко организовав их работу. Хозяйства нуждались в хорошо оборудованных ремонтных

мастерских, достаточном количестве запасных частей, гербицидов для борьбы с многолетними сорняками. Сеялки точного высева, созданные машиностроителями, требовали шелушенных семян. Однако хлопкоочистительная промышленность поставляла некачественные семена, которые не были фракционированы и имели низкую продуктивность.

Эти причины в совокупности привели к тому, что если в десятой пятилетке в республике было заготовлено 78-80% хлопка-сырца первого сорта, то доля хлопка-сырца первого сорта в машинном сборе составляла не более 35%. Особенно в хозяйствах Сырдарьинской и Джизакской областей хлопка первого сорта было собрано мало. В то же время темпы уборки хлопка машинами с каждым годом увеличивались во всех хозяйствах, а качество хлопка-сырца не отвечало требованиям текстильной промышленности.

Одной из трудностей в обеспечении машинной уборки хлопка было отсутствие среди выпускаемых сортов хлопка специальных машиноуборочных сортов, и здесь следует отметить, что ученые работали недостаточно эффективно.

Серьезную критику вызвала и деятельность конструкторских бюро. Так, задачу создания системы машин, обеспечивающей комплексную механизацию возделывания хлопка, удалось решить в таких научно-исследовательских, проектно-конструкторских организациях и машиностроительных заводах, как Сайме, СоюзНИХИ, СамИС, ГСКБ. Однако поставленные перед ними задачи были решены неэффективно. Не была решена проблема завершения механизации процесса уборки урожая при непрерывной технологии поле – завод. Так, в Государственном строительном бюро были приняты меры по разработке современной технологии и технических средств сбора, разгрузки, погрузки и транспортировки хлопка-сырца конвейерным способом. Но каждая из новых модификаций машины имела свои недостатки – чрезмерный вес, металлоемкость и низкий КПД. Среди разработчиков не было единого мнения по вопросу о том, нужна ли хлопководству универсальная самоходная хлопкоуборочная машина или такая машина неперспективна и требует поиска нового решения.

Как и в ряде других отраслей, комплексная механизация производства хлопка оказала негативное влияние на «валовое» планирование и отчетность. Так, в 1979 г. Министерство сельского хозяйства республики приняло 206 рекомендаций научно-исследовательских учреждений, 61 из которых было отклонено. Фактически было реализовано менее половины из 93 мер, включенных в научный раздел генерального плана реализации 1980 года. Научно-исследовательские институты часто со значительным опозданием

показывали свои незавершенные разработки, не было разумных расчетов экономической эффективности, имело место дублирование – два, а иногда и три научных учреждения, осуществляющих одну и ту же деятельность. Было много мелких рекомендаций, реализация которых существенно не влияла на эффективность отрасли.

Серьезным недостатком научно-исследовательских учреждений была крайняя слабость руководства по контролю и реализации строительства. Ученые редко посещали колхозы, где планировалось реализовывать их рекомендации.

Более серьезные проблемы были в других отраслях сельскохозяйственного производства. В отличие от существовавшего хлопководства уровень механизации в них, если не считать внедрения технологий второй волны научно-технической революции, зачастую находился на зачаточном уровне.

Например, в 1982 г. только 16 колхозов применяли механизированную посадку овощей, комплексную механизацию применяли в 22 процентах совхозов, в свинокомплексах и птицеводческих комплексах сельскохозяйственных артелей – 17 и 20 процентах. Иными словами, в подавляющем большинстве сельскохозяйственных работ преобладал тяжелый ручной труд, что существенно тормозило рост сельскохозяйственного производства. Время требовало ускорения научно-технического прогресса, поиска нетрадиционных форм и методов реализации научно-технической политики в сельском хозяйстве.

В качестве вывода можно отметить, что серьезным недостатком в обеспечении научно-технического прогресса было различие между темпами развития производства и темпами внедрения в него новой техники и технологий. В середине 1960-х годов явным признаком стала необходимость резкого поворота для полного использования возможностей научно-технической революции в экономике страны, в том числе Узбекистана. Политическое руководство пыталось удовлетворить эту потребность. В 1970-е годы ЦК КПСС принял около 40 решений по проблемам научно-технической революции. Однако разрыв между словом и делом особенно проявился при этом решающем звене в возможности ускорения социально-экономического развития общества, перевода его на путь интенсификации экономики и сельскохозяйственного производства. В результате возросло технологическое отставание от развитых «капиталистических» стран, где началась масштабная перестройка экономики с упором на экономию ресурсов, использование новейших технологий и других достижений научных исследований. Однако советская экономика все яснее демонстрировала свой иммунитет к техническим новациям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голованов А. **А.** Крестьянство Узбекистана: эволюция социального положения. 1917-1937 гг. – Ташкент, 1992. СII-32.
2. Архив Администрации Президента Республики Узбекистан. ф.58. Оп. 207.д.301.Л.104.
3. Архив Администрации Президента Республики Узбекистан. ф.58. оп. 204. л.529. л.63
4. Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. В 4-х т. Т.3. – Ташкент: Узбекистан, 1988. С.538-540.
5. Руководство Компартии Узбекистана внедрением достижений науки и техники в сельское хозяйство *в* условиях развитого социализма. – Ташкент: Узбекистан, 1984. С.130.
6. Коммунист Узбекистана. 1975. №10. С.28-29.
7. Народное хозяйство Узбекской ССР в 1980 году //Стат.ежегодник. – Ташкент, 1982. С.95.
8. Архив Администрации Президента Республики Узбекистан. ф.56. оп. 289.д.298.Л.64-65.
9. Партийная жизнь. 1977. № 12. С.81.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: РЕГИОН, ОСОБЕННОСТЬ, ИДЕНТИЧНОСТЬ

Аннотация. *Статья ставит задачу осмыслить Центральную Азию с социокультурного угла зрения, обозначить некоторые определяющие параметры региона, которые так или иначе ранее оставались за пределами внимания исследователей.*

Ключевые слова: *Центральная Азия, регион, культура, цивилизация, иное, особость, идентификационный кризис, современность, «самое само», взаимодополнение.*

Джураев Темур *– октор философских наук, профессор*

Дж.Т.Джураев, доктор философии по политическим наукам

Сначала уточнение относительно самого концепта «Центральная Азия». Известно, что в литературе, изданной в советский период, имело место довольно расплывчатое именование «Средняя Азия и Казахстан», т.е. понятие с чисто географо-этнографическим звучанием. Оно было лишено своей генеалогии, глубокого историко-культурного содержания, представлялось лишь одним из хозяйствующих регионов огромного государственного объединения, названного СССР. Соответственно, научное сообщество рассматривало ее, т.е. Центральную Азию, как предмет в лучшем случае, экономических, правоведческих, географических, филологических исследований.

Несоветское (преимущественно западное) направление обществоведения также принципиально не отличалось от своего визави: некоторым исключением являлось понимание им «Средней Азии и Казахстана» как конфессионально-лингвистически особой общности, релевантной с политико-стратегической точки зрения, как региона, в котором некие внешние силы пытались вершить судьбу народов, населявших регион. В обоих случаях Центральной (или Средней) Азии отводилась роль мало что значащая в мировом историко-культурном пространстве.

Ныне наступила другая всемирно-историческая эпоха – эпоха безвозвратного ухода колониализма в небытие, формирования на его руинах более сотни суверенных государств. В этом ряду и качественно новая геополитическая, геокультурная целостность - «постсоветская» Центральная Азия в составе Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Центральная Азия из так называемого состояния краткосрочного «геостратегического вакуума», неопределенности с точки зрения будущности вышла политически окрепшим, самодостаточным участником глобальной политики. Вместе со всем миром качественно иной стала и Центральная Азия, поспособствовав зримому скачку во взглядах живущих как в самом регионе, так и за его пределами.

По прошествии времени все части земного пространства становятся иными, что объективно и закономерно. Но эти «иные» не тождественны между собой, зеркально повторяющие друг друга, а разные/различные. Каждому из них имманентен свой собственный мир, особое место в мировых делах. Раз так, тогда в чём же особость/инаковость постсоветской Центральной Азии?

Ответ на вопрос, соответственно, заключен в системе практически всех современных социально-гуманитарных наук. Каждое научное направление эту «искомую особость» выводит из отведенного ему, «закрепленного» за ним пространства/объекта изучения. Значит многое зависит от способности исследователя «узреть» это. На поверхности эта «особость» не лежит.

В таком контексте то и дело на поверхность всплывают два немаловажных с позиции достижения ещё большей ясности предмета, семантически близких параметра. Речь идёт о разведении понятий «иное» и «инаковость», «особое» и «особость» применительно к привычной, но уже принципиально новой Центральной Азии. Со словосочетанием «регион стал иным» сложности особо не вырисовывается: ибо изменившийся мир всегда вызывает в жизнь становление региона иным в силу воздействия как внутренних изменений, так и внешних/международных факторов. Но с концептом же «особости» региона дело куда сложнее. Тут нужен другой угол

зрения, другая «оптика». Её движущая сила сокрыта в устремлениях к иным высотам, не всегда и не во всем постижимых внутренних мотивациях. Именно вот эта сила и «вынудила» Центральную Азию стать одним из творцов нового «постимперского» порядка.

Продолжая концепт «особости» региона, о чём уже упомянуто выше, скажем: это прежде всего порождение автохтонного, «центральноазиатского» мировосприятия может быть присущим только самой Центральной Азии. Последняя приведена к движению только её же собственным «самым само». Следовательно, автоматически снимается вопрос о некой жесткой производности специфики регионального развития от глобальных трансформаций.

В то же самое время, мы далеки от абсолютизации «особости» современной Центральной Азии. Напротив, нам привлекательна идея «отрицательного события» её с консолидацией более масштабного, т.е. формирования качественно нового миропорядка на всей Земле. Итак, мы подошли к искомому рубежу, когда нужно широко и предметно раскрыть онтологически нетождественную особость Центральной Азии с другими, её мощь как самодостаточное ядро специфической социокультуры, как непрерывно развёртывающейся актуальной цивилизации.

Центральная Азия географически расположена в самом центре Азиатского/Евроазиатского континента. Центровое положение сделало её неким средоточием, «место развитием»[1] многовекового исторического действа, охватывавшего громадную часть Земли, затрагивавшего судьбы народов многомиллионной «Азии». Ландшафтно относительная открытость (отсутствие крутых горных высот, полноводных рек) Центральной Азии, перманентно влияла на всю жизнедеятельность людей, содействуя при этом проникновению сюда различных воздействий, как путем конфликтов, так и сотрудничества сопредельных культур и цивилизаций с несопоставимо большой творческой энергией.

Будучи местом пересечения, встречи огромного массива различных культур, наш регион взращивал в высшей степени толерантных, широкой души людей, с которыми дружить и созидать вполне естественно[2]. В этом заключаются тысячелетиями выкристаллизованные, созидательные деяния и принципы центральноазиатов, которые объединяли регион, прославляли его на весь мир. В этом смысловом поле у центральноазиатов взращивается онтологически фундаментальная черта, их особость, стремление быть самими собою, «вещью – для – себя».

[1] Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. - М.: Кристалл, 2005. С. 7.
[2] Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. - М.: Кристалл, 2005. С. 20-21.

Закономерно, что особость региона как места пресечения разнородных культур началом своим имеет сложившееся веками представление о связи среды обитания с расположением сакральных мест, их природным контекстом и рельефом, с некоторыми сходствами ландшафтной и пространственной структуры древних городов, ставших не только одухотворением, но и типологическим отражением духовности всего региона[3].

Особость региона, населяющих его этносов, наций, народностей, племен, как духовное явление идеальна, проявляет себя «сейчас» и «здесь». Это – история и историческая память: о великих свершениях предков, самоидентификация своего «я» с героическим прошлым; переживание настоящего и будущего; жизненных драм предков и поколений; единая судьба народов; неистребимая вера в онтологическое братство всех поколений во времени и в пространстве; обостренное чувство сопричастности поколений к историческому предназначению друг друга, глубокое осознание поколениями телесно-кровной близости между собой; метафизическая привязанность живых к некоему единому исходу, сакрализация святынь, духа великих предков; вера в то, что внутренняя духовная близость поколений проявит себя в нужный момент, в нужном месте. При этом мы вполне отдаём себе отчёт в том, что приведённые объективированные параметры особости Центральной Азии как общего духовного пространства – это плод субъективного авторского соображения, некая попытка вызвать у профильного научного сообщества интерес к обсуждаемой проблематике. Вмести с тем мы солидарны с теми, кто увидит в вышеприведенном ряду просматриваемые сходства, пересекающиеся с духовностью других культур, что закономерно.

В отношениях к региону по мере его консолидации, наряду с дружественными во все времена были и силы недружественные, мягко говоря, «недоброжелатели». Насколько это правда, часть западноевропейских геостратегов поговаривала и о том, что Наполеон убрав с дороги Россию, планировал захватить Центральную Азию и через неё выйти на Восточноазиатские и Южноазиатские просторы.

Также и Великобритания считала Индостанский полуостров «трамплином» на пути к обладанию Центральной Азией (теория «Большой игры»). Потускневшая было данная идея, как известно, получает новый импульс уже после распада Советского Союза на фоне тотальной либерализации общественной жизни в только что возникших независимых государствах. Вдохновленный обновленным американским планом по установлению целенаправленной тесной

[3] Рашковский Е. История как чтение Мира, или Философствование на Арбате. Из воспоминаний о Сигурде Оттовиче Шмидте // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 197.

связи между Центральной и Южной Азией через Афганистан с шоссейными и железными дорогами, в т.ч. трансрегиональными газопроводами ведущими на север, юг, восток, запад, в бытность внешнеполитическим советником президента США Ричард Баучер в 2006 году рекомендовал соответствующим властям нагло игнорировать национальные интересы ведущих сопредельных государств, руководствующихся идеей взаимной выгоды и соразвития[4].

А спустя три года другой американец Фредерик Старр продвигает сей план, только с другой, подновленной позиции[5]. В одном и другом случаях ровным счетом неизменным оставался проект «американизации постсоветской Центральной Азии», лишения её духовных корней, того «самого», что сделало её таковой, какая она есть на самом деле. К счастью, у центральноазиатских народов доброжелателей, во все времена бывало куда больше, чем недругов.

Нельзя обойти стороной и то, что среди нас, людей разных поколений, наций и конфессий, причем из научной и творческой среды, есть те, которые заражены т.н. ксенофобией, параноидально не приемлющие образ той или иной социально-культурной общности по непонятным даже им самим причинам и стереотипам. Им мерещится, что в мире обитают народы, даже целые цивилизации, которых нужно опасаться, остерегаться[6]. Не исключено, что между ними когда-то имело место какое-то недоразумение, не стоящее сегодня даже воспоминания. Ведь сегодня мы центральноазиаты/узбекистанцы и они, не «чужие», а «другие», проживаем в новых пространственно-временных координатах. Продолжаем оставаться «самими собою», придерживаясь мудрости: возвышение сокрыто не в тождестве, а в разнообразии.

В этой связи нельзя не затронуть укоренившегося в обыденном сознании, мягко говоря, неоднозначного восприятия образа, к примеру, китайской, иранской или российской культур, цивилизаций, а предположим не англосаксонской или романо-германской, репрезентируемых США, Великобританией и Германией, что было бы ближе к истине. Но это уже другая проблема.

В своё время американский востоковед Ф.Холлидей, выражая мнение объективно мыслящих, сказал: «Мы «… и «Они» не определены историей, а являются продуктами конкретных, часто «сознательных

---

[4] Лукин А. Идея «Экономического пояса и Шелкового пути «Евразийская интеграция// Международная жизнь. 2014, июль. С. 91, 93.

[5] Евсеев В. Афганистан и нетрадиционные угрозы для Центральной Азии // Международная жизнь. 2014, сентябрь. С. 81.

[6] Костиков Е.Д. Спекуляции маоистов понятием «Неравноправный договор»// Проблемы Дальнего Востока. 1975. № 1. С. 48, 49.

политических вмешательств»[7]. Такое положение дел создавалось не на пустом месте, а внутри целенаправленно сформированной идейно-политической среды, созданной по прямому указанию соответствующих учреждений.

В этом направлении работало и работает по сей день множество т.н. «исследовательских центров» с привлечением сотен и тысяч «знатоков» этнографии, политической культуры, менталитета соответствующих народов с упором, прежде всего, на Юго-Восточную Среднюю/Центральную Азию, Африку и Латинскую Америку. Эти т.н. «эксперты», по словам одного из соавторов «докладов», денно и нощно трудятся над «проституированием науки ради политических нужд[8]. Нетрудно заметить и то, что вышесказанное зеркально отражает период, когда ведущие «силовые центры» планеты не на жизнь, а на смерть боролись за расширение сфер своего влияния за счет приобретения все новых и новых стран и регионов.

Казалось бы, радикальная трансформация мира, человечества, в целом начавшаяся еще в недрах той послевоенной эпохи бессмысленной конфронтации за лидерство в мировых делах, должна была стабилизировать ситуацию в мире. Но, к сожалению, не получалось. Межгосударственное противоборство выливается в межкультурное, межцивилизационное, что на порядок опасней, т.к. трудно остановимо. В водовороте последнего оказываются не только государства, но и целые регионы. Множатся столкновения, которые не имеют ни начала, ни конца: у мирового сообщества нет действенных политических рычагов. Хотя это уже другая история, но нельзя сказать, что наш регион с такого рода глобальными событиями непосредственного отношения не имел. Ибо Земля – одна, и все регионы в ней взаимосвязаны и взаимодополняемы.

Таковое обычно зримо просматривается в исторически состыковывающихся, некоторых типологически общих явлениях, которые одновременно стимулируют как общность, так и особость судеб[9]. Важно, что данная тенденция зримо проявляет себя и в огромном Евразийском пространстве, где представлена и «постсоветская» Центральная Азия со всем своим колоритом. Итак, «мысленное блуждание»[10] в других, «нецентральноазиатских» историко-географических координатах, некое «челночное движение»

---

[7] Аверкиева Ю.И. Буржуазная историография и неоколониализм// Новая и новейшая история. 1972. № 5. С. 67 - 70; Березный А.А. Теория политической культуры и некоторые вопросы изучения Китая // Новая и новейшая история. 1978. № 5. С. 59-60.

[8] Хвостова К.В. Современная неклассическая научная парадигма и историческая наука // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 33.

[9] Пан Давэй. Сближение России и Китая как результат эндогенных движущих сил // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 3. С. 58.

[10] Фуко М. Другие пространства. Пер. с франц. - М., 2006. С. 200.

мышления приблизило нас к раскрытию сути ещё одной «особости» нашего региона.

Как подчеркивалось не раз, «особость» как феномен имеет определяющее значение и в жизни региона. Регион ею движим, она придает миру, социальной общности незаместимо-уникальное очертание. Мир в целом – это множество мысленно слитых миров, взаимно накладывающихся друг на друга культур и цивилизаций. Существование их, как в своё время сказал известный французский антрополог и философ Клод Леви-Стросс, поддерживаются, подпитываются некими вневременными структурами. Именно эти последние и придают региону внутренние силы. Благодаря им регион как социокультурная единица делается самодостаточной, самоорганизующейся, саморегулирующейся системой.

Тысячелетиями наполняемую всё новыми и новыми духовными силами Центральную Азию можно отнести к разряду регионов – цивилизаций, которая в терминах С. Хантингтона, находится на этапе серьезного поиска своей региональной идентичности[11]. Вот это и есть один из знаковых рубежей, подтолкнутых тем стимулятором, который наименован выше «внутренней особостью» каждого из существующих регионов. Данная особость применительно к региону – это экспликация мировоззренческих универсалий, складывающихся в результате духовного общения его жителей с природой, соплеменниками и другими, переосмысления ими всего того, что их окружало[12]. Регионы всегда «живые», они готовы «высказаться», если им дадут слово.

Известный культуролог Ю.М. Лотман, продуктивно изучавший проблемы, связанные с особенностями мыслительного процесса, его специфических типов, далеко не случайно определял семиосферу (тексты, языки) как пространство «мыслящего мира»[13]. Специфические трансцендентные мысли и интенции, в конечном счете сделали и центральноазиатский регион пространством, отчетливо разнящимся от тех, которые сегодня погружаются в состояние глубокого идентификационного, а следовательно, и культурного упадка. Ближний Восток, Корейский полуостров, Индостанский субконтинент, Африканский Рог – пример того, где царит противоположность: взаимная ненависть, безоглядное истребление и разрушение и др.

Центральная Азия обретает новую жизнь, заявляет о себе: с каждым годом множатся народы, желающие устанавливать с нею взаимополезные связи – яркое свидетельство роста её геокультурных,

[11] Hantington C. Who are we: The Chelleng's to American's Solemnity. 2007. P. 448.

[12] Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. - М.: Альма-Матер, 2015. С. 200-201.

[13] Ковельман А.Б. Царство Божие-внутри вас и во вне // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 77.

цивилизационных потенций. Происходит это, конечно же, не на пустом месте. Зарождение и формирование культурного образа всегда с неизбежностью происходит в некоторой питательной среде/почве, в лоне некоторой умственной и духовной стихии, её бытование на некоторой смежной, предфилософской территории[14]. На Земле много регионов как автохтонных, так и рационализированных в угоду каких-то политических сил. Располагаясь на перекрёстке, месте встречи великих культур, Центральная Азия, «бодрствуя», породила свою «особость», что возвысило предков к высотам науки, культуры и цивилизации. Центральная Азия какой-то таинственной связью держит нас, современников при себе, волнует без конца. И вот под этим собственным «я» мы находим нечто, неистребимый дух нашей земли/почвы[15].

Центральная Азия для ныне живущих людей (казахов, киргизов, таджиков, туркмен, узбеков, а также представителей других наций), ставших центральноазиатами в единстве многообразия, это некое ценностное, одухотворённое пространство, центр идейного тяготения исторически взаимно пересекающихся культур и цивилизаций[16].

Она не какая-то надрегиональная политическая общность, а некое подобие отечества, у которого есть вечные интересы[17]. Центральная Азия, будучи частью планеты Земля, по сей день, невзирая на все перипетии истории, сосредотачивает весь спектр соотнесений человека с Миром, с собой и с себе подобными. В её лоне мирно уживались, учились друг у друга многие, религии, культуры, языки, цивилизации: скифская, авестийская, согдийская, индоарийская, греко-бактрийская, эллинская, ахеменидская, кушанско-буддийская, туранская, тибето-монгольская, арабская, византийская, славяно-русская и др. Этот метаисторический каркас множества разнообразий скреплял, тысячелетиями удерживал, а ныне консолидирует наш регион, придает ему цивилизационную особость. Открывающиеся перспективы делают явно иллюзорным возможности конструирования наднациональной политической идентичности. Подобного рода идеи выдвигались исторически не один раз, выдвигаются и ныне, но всегда оставались, как ни странно, нереализованными.

Вышеизложенное, хотелось бы заключить отсылкой на великого Аль Фараби, который общественное устройство, в т.ч. устройство региональное рассматривал как аналог устройства мира, где

[14] Хоружий С.С. Глобальный тренд XXI века: детерриторизация философии // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 49.

[15] Михайлов И.Ф. Прошло ли время философии // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 22.

[16] Лебедев С.А. Специфика философии как мировоззрения // Философия. - М.: Эксмо, 2011. С. 131.

[17] Нарочницкая Н. Круглый стол на тему “Человек эпохи”. Е. Примакову 85 лет // Международная жизнь. 2014, октябрь. С. 102.

каждая ступень вертикально и горизонтально взаимосвязана с предшествующей и все они вместе взятые гармонично соединены между собой и Необходимо Сущим.

Такую таинственную близость/неразрывность «Социум-Регион» можно было бы уподобить состоянию одиноко блуждающую в небесах каплю, верхом на торжествующем жеребце спешащую к лону моря-матери, что умонепостижимым мастерством изображено великим Джалалиддином Руми.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. - М.: Кристалл, 2005. С. 7.
2. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. - М.: Кристалл, 2005. С. 20-21.
3. Рашковский Е. История как чтение Мира, или Философствование на Арбате. Из воспоминаний о Сигурде Оттовиче Шмидте // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 197.
4. Лукин А. Идея «Экономического пояса и Шелкового пути «Евразийская интеграция// Международная жизнь. 2014, июль. С. 91, 93.
5. Евсеев В. Афганистан и нетрадиционные угрозы для Центральной Азии // Международная жизнь. 2014, сентябрь. С. 81.
6. Костиков Е.Д. Спекуляции маоистов понятием «Неравноправный договор»// Проблемы Дальнего Востока. 1975. № 1. С. 48, 49.
7. Аверкиева Ю.И. Буржуазная историография и неоколониализм// Новая и новейшая история. 1972. № 5. С. 67 - 70; Березный А.А. Теория политической культуры и некоторые вопросы изучения Китая // Новая и новейшая история. 1978. № 5. С. 59-60.
8. Хвостова К.В. Современная неклассическая научная парадигма и историческая наука // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 33.
9. Пан Давэй. Сближение России и Китая как результат эндогенных движущих сил // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 3. С. 58.
10. Фуко М. Другие пространства. Пер. с франц. - М., 2006. С. 200.
11. Hantington C. Who are we: The Chelleng's to American's Solemnity. 2007. P. 448.
12. Степин В.С. Философская антропология и философия культуры. - М.: Альма-Матер, 2015. С. 200-201.
13. Ковельман А.Б. Царство Божие-внутри вас и во вне // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 77.

14. Хоружий С.С. Глобальный тренд XXI века: детерриторизация философии // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 49.
15. Михайлов И.Ф. Прошло ли время философии // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 22.
16. Лебедев С.А. Специфика философии как мировоззрения // Философия. - М.: Эксмо, 2011. С. 131.
17. Нарочницкая Н. Круглый стол на тему “Человек эпохи”. Е. Примакову 85 лет // Международная жизнь. 2014, октябрь. С. 102.
18. Аль-Фараби. Социально-этические трактаты. - Алма-Ата: Наука, 1973.
19. Румий Ж. Етти мажлис. - Тошкент: Янги аср авлоди, 2019.
20. Вопросы философии, № 7, 2020.
21. И.Ф.Михайлов – Прошло ли время философии // Вопросы философии, № 1, 2019, с. 22.
22. С.А.Лебедев. Специфика философии как мировоззрения // Философия - М.: Эксмо, 2011.
23. Наталия Нарочницкая – Круглый стол на тему “Человек эпохи”. Е. Примакову 85 лет // Международная жизнь, октябрь, 2014.
24. Социально-философские трактаты Аль-Фараби. - Алма-Ата, 1973.
25. Жалолиддин Румий. Етти мажлис. – Тошкент: Янги аср авлоди, 2019.

О НАРОДНЫХ ИГРАХ И РАЗВЛЕЧЕНИЯХ КЫРГЫЗОВ ПО УСТНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ РЕСПОНДЕНТОВ

«Устная история является важнейшим источником изучения прошлого».
Жюль Мишле.

Илебаев Арстанбек Касенович

– ОшГУ, к.и.н., доцент.
ilebaev@yandex.ru

Аннотация. *В данной статье приводятся сведения об играх и развлечениях кыргызов, которые были собраны методом «oral history», проигнорированного мировой историографией как: «далёкой от репрезентативности и пресловутой научной объективности», а в настоящее время ставшего одним из уникальных источников в изучении наследия прошлых эпох. Устные истории «воспоминаний детства» записывались во всех регионах Кыргызстана. В этой работе представлены данные южного региона. Собранные материалы не встречаются в других источниках и пополняют список традиционных игр и забав народа.*

Ключевые слова: *традиционные игры и развлечения, историческая память, междисциплинарный метод, наследие, устная история, чакмак таш, ак чөлмөк, чикаляк.*

Аннотация. Ушбу мақолада, “оғзаки тарих” усулида ўтказилган қирғиз халқининг халқ

ўйинлари ва вақтичоғликлари тадқиқот натижалари тақдим этилган ва улар жаҳон тарихшунослиги томонидан аввал "репрезентативлик ва ҳаммага маълум бўлган илмий объективликдан йироқ" усул сифатида эътиборга олинмаган ва ҳозирда тарихий меросни ўрганишда ноёб манбалардан бирига айланиб, тарихий меросни ўрганишда мухим ўрин тутади. Мақолада келтирилган оғзаки хотиралар ("болалик хотиралар") Қирғизистоннинг барча вилоятларида ёзиб олинган, бошқа ёзма манбаларда учрамайди ва халқнинг анъанавий ўйинлари ва ўйин-кулгилари расмий рўйхатига қўшилган.

Калит сўзлар: *анъанавий ўйин ва ўйин-кулги, тарихий хотира, фанлараро усул, мерос, оғзаки тарих, чакмоқ таш, оқ чўлмоқ, чикаляк.*

Abstrakt. *This article presents the games and entertainment of the Kyrgyz people, collected using the "oral history" method. Previously ignored by world historiography as "lacking representativeness and scientific objectivity," it has now become a valuable source for studying the heritage of past eras. Oral histories were recorded in all regions of Kyrgyzstan. The collected materials are not found in other sources and contribute to the list of traditional games and amusements of the people.*

Keywords: *traditional games and entertainment, historical memory, interdisciplinary method, heritage, oral history, chakmak tash, ak cholmok, chikalyak.*

Для исследования традиционной культуры кыргызского народа, в том числе всевозможных игр и развлечений использовались материалы из различных источников: фондов Центрального государственного архива КР, Отдела рукописей и публикаций НАН КР, малых и больших эпосов народа, диссертационных исследований и научных статей. Одной из важных составляющих в данной работе были полевые исследования, которые в первую очередь опирались на методические разработки российских учёных, и путевые записи представителей российской интеллигенции: В.В. Бартольда[1], Н.А. Аристова[2], Ч. Валиханова[3], Я.Р. Винникова[4] и др. Особо хотелось бы отметить работы С.М. Абрамзона и составленную им Программу сбора этнографических материалов, которая была издана Институтом языка, литературы и истории при Киргизском филиале Академии наук СССР в 1946 году под шифром *902.7 П-784*[5]. Программа, составленная на 19 страниц, помимо методических указаний, охватывает следующий

[1] Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк. // Соч.– Т.2., ч.1. – М., 1963. – С. 471-543.

[2] Аристов Н.А. Труды по истории и этническому составу тюркских племён. – Бишкек: Илим; Фонд «Сорос-Кыргызстан» 2003.– 458 с.

[3] Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах. // Соб. соч. В 5-ти т.– Алма-Ата, 1985. – Т. 2.– С. 7-89.

[4] Винников Я.Р. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии // Тр. Кирг. археол.-этногр. экспедиции.– М., 1956. – Т. 1.– С. 136-181.

[5] Абрамзон С.М. Программа для сбора этнографических материалов. – Фрунзе, 1946. – 19 с.

широкий круг вопросов: земледелие, скотоводство, охота, домашний промысел и ремёсла, селения и жилища, одежда и украшения, пища, средства и способы передвижения, народная медицина, социальные отношения, народные знания, религия и народное творчество. К сожалению, вопросы традиционных игр и развлечений народа в ней не рассматривались, они затрагивались лишь в контексте исследуемой темы, поверхностно и в малом количестве.

Следует отметить, что полевые материалы, состоящие из устных рассказов, позволяют на уровне конкретного субъекта зафиксировать прошедшие события. Если письменные источники официального происхождения чаще всего отражают историю государства и его институтов, то устные источники обращаются к истории и повседневной жизни народа, причем позволяют сделать это глазами очевидцев происходивших событий. При этом воспоминания о детстве существенная часть биографии респондента, «…самые сильнейшие и влияющие воспоминания почти всегда те, которые остаются из детства»[6]. Воспоминания о детстве являются важным фактором, определяющим развитие и существование человека: «То, что удается вспомнить, – более того, постоянно вспоминать всю жизнь, – это, возможно, самое главное, на что можно опереться и из чего создавать, чем укреплять постоянно разваливающуюся жизнь»[7].

Совместная исследовательская работа с учёными Республики Узбекистан позволила по-новому взглянуть на содержание полевых записей респондентов, касающихся воспоминаний детства. Они известны как метод «oral history», и в настоящее время в историографической науке признаны «равноценным методом и самостоятельным исследовательским направлением»[8]. Опираясь на данные теоретические разработки, в статье проанализированы традиционные игры и развлечения кыргызов, не упоминавшиеся ни в одном письменном источнике. Материал подготовлен по результатам устно-исторических исследований, проведенных автором, его магистрантами и аспирантами в южных областях Кыргызстана в течение 2021-2024 гг. Полевая работа проводилась в соответствии с методикой «oral history» при полном согласии респондентов. Эти сведения содержат в себе субъективный взгляд информатора, отражают региональные различия и при этом, всё же, являются ценным источником в изучении поставленной задачи.

---

[6] Достоевский Ф.М. Дневник писателя // Полн. собр. соч. В 30 т. - СПб.: Наука, 1983. Т. 25. – С.173

[7] Губин В.Д. Память: возвращение к детству // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 163

[8] Сабиров А.Т. К вопросу развития научных школ oral history (устная история) // Central Asian Journal of Social sciences and History volume: 04 ISSUE: 05 | MAY 2023. - С. 179

Ценность устных воспоминаний очевидцев заключается и в том, что анализируя и коррелируя их с другими источниками (в основном, письменными) можно проследить бытование некоторых игр и развлечений на огромном пространстве. Это может говорить о тесных культурных связях различных этносов, проживающих в этих регионах. Также можно предположить о миграционных процессах, происходивших в Центральной Азии.

В качестве респондентов выступали люди различных профессий, мужчины и женщины, детство и отрочество которых пришлось на время становления и развития социалистического образа жизни. Здесь следует добавить, что получаемая информация также зависит от пола сказителя, его возраста и, что весьма немаловажно, состояния его памяти. Можно упомянуть классику японской прозы, в которой вопрошается: «А что скажет пятый?», - когда пять очевидцев события по-разному толковали только что увиденное происшествие.

Одним из первых информаторов стала Зийнатой Абдиева, врач по образованию, которая дала ценную информацию по исследуемой проблеме. Уникальность информатора заключается в том, что являясь кыргызкой по национальности, она родилась в селе Янги Пролетарского района Таджикистана и своё детство провела в окружении девочек-узбечек. «В играх, кроме моих сестёр, все остальные были девочки-узбечки, лишь потом стали переселяться кыргызы»[9]. Данная информация говорит о тесных связях трёх братских народов, которые издревле проживают на этой территории и имеют общие корни традиционной культуры, как духовного, так и материального наследия. Здесь также можно почерпнуть информацию об оседании кыргызов-кочевников и изменении образа жизни, который продолжался в 50-60-е годы XX-го столетия.

Рассказывая о своих детских забавах, она вспоминает: «...в детские годы, совместно с ровесниками девочками у пасущихся коров со спины собирали шерсть, затем смачивали её водой, и ладонями превращали в круглый мяч, который использовали в своих играх»[10]. Упоминание о мяче, сделанного из шерсти животного, говорит об элементах кочевого образа жизни. Такие упоминания содержатся в древних источниках, в частности, в работе М. Кашгари.

Следующая информация была о кукле. Как известно, кукла, пройдя долгий путь от поминальных и загробных представлений, постепенно превратилась в игрушку, которая имела гендерный характер, являлась непосредственным развлечением только для девочек, и была связана с деторождением и воспитанием. «Играли в куклы, для этого

[9] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания З. Абдиевой). – Ош, 2024. – С. 14.
[10] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания З. Абдиевой). – Ош, 2024. – С. 14.

использовали прутики, делали из них туловище, руки-ноги, а для лица прикрепляли пуговицу»[11]. Здесь также можно обратить внимание на использование пуговиц для лица для куклы. Как известно, появление пуговицы в глухой сельской местности говорит о проникновении элементов мануфактуры, до этого для закрепления и удержания одежды использовались тесёмки, узелки, которые в простонародье назывались түймө[12].

В следующей информации: «...также играли в барды-келди»[13], встречается ещё одно название популярной детской игры ак терек – көк терек (российский аналог кондалы-раскондалы), который имеет региональное различие в названии – барды-келди (пошёл-пришёл). Такое название в исследовательских работах по играм и развлечениям встречается впервые.

По словам респондента Газипы Осмоновой, жительницы с. Кыргыз-Ата Нокатского района Ошской области можно проследить в каких условиях разворачивались веселья и игры. Кочевое общество имело свою специфику в этом деле. Большинство игр проходило на жайлоо, на пёстром многотравье көк шибер. «Летом с родителями выезжали на жайлоо – Муңдуу арча, Мойункөл, *и там вместе с другими детьми играли в разные игры*»[14]. Также игры проходили в селе: «По дороге со школы с подружками играли в чакмак таш (камешки)»[15]. Здесь упоминается популярная забава девочек чакмак таш, где в игре используют небольшие округлые камешки. Девочки садятся на землю, образуя круг, и по очереди подкидывают камешки разнообразным образом, используя обе руки. Данная игра встречается у русских девочек, которые вместо камешек используют изготовленные из глины, высушенные и разукрашенные шарики. Аналог этой игры прослеживается и в разлечениях девочек Якутии. Возможно, эта забава встречается и у других представительниц этого обширного региона, но записи и зарисовки были сделаны только в Якутии, где игроки вместо камешек используют нарезанные из твёрдых сортов дерева небольшие кубики.

По материалам эпоса «Манас» забава чакмак таш упоминается как мужская игра:

«Чакмак топ таш алыптыр
Курдап алып элүүсү
Кумалагын алыптыр».
«Взяли камешки для (игры)

[11] Там же.
[12] Там же.
[13] Там же.
[14] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания Г. Осмоновой). – Ош, 2024. – С. 104.
[15] Там же.

В чакмак топ таш
Пятьдесят человек, собравшись в круг,
Играют они в коргол»[16].

В данном тексте наряду с популярной игрой коргол, где упоминается количество участников в 50 человек, приведена игра и даже два его названия - чакмак таш и топ таш. Как известно, соратниками и воинами Манаса были одни мужчины, и здесь в игре упоминается участие только мужчин. Возможно, в более ранние времена эта игра имела мужское назначение.

Вспоминая развлечения на жайлоо, респондент упомянула три вида игры: «...играли в жолук таштамай (жгут), усаживаясь по кругу»[17]. Эта игра встречается почти у всех народов. Различие кыргызского варианта в том, что она проходила на жайлоо, в летнюю пору, когда была обильная мясо-молочная пища. По одной из теорий об играх и развлечениях, она непосредственно связано с накоплением и тратой энергии.

Интересна следующая информация: «...копали лунки для игры в уйум туду (корова отелилась), и играли до растрескивания пальцев руки»[18]. Данная игра у кыргызов имеет и другое название тогуз коргол (девять катышек). Забава скорее заимствованна у земледельческих народов Китая и Юго-Восточной Азии, где встречаются доски от 6 до 36 лунок. Игра уюм туду приспособлена именно для пастухов-кочевников, даже само название говорит об этом корова отелилась. Для забавы два пастуха, расположившись на пригорке и наблюдая за пасущимся скотом, выкапывают в земле, каждый со своей стороны, по 5 лунок, куда в каждую лунку кладут по 9 овечьих катышек, и перекладывают поочерёдно из лунки в лунку. Правила с некоторыми различиями идентичны почти у всех народов.

Из следующего сообщения: *«...подкидывая палку играли в чикаляк (чижик)»*[19], можно увидеть региональный диалект названия игры. Название чикаляк присуще только для жителей южного региона республики, это Джалал-Абадская, Ошская и Баткенская области. В северных регионах название игры произносится как чикит[20].

По рассказам Баатырова Камалидина, 1956 г.р., жителя с. Кара-Жыгач Кадамжайского района Баткенской области, он в детстве играл в разнообразные игры и вспомнил некоторые из них: чикалак, дал таш, пари, чозмо, кемелек (жаа), эшек минди, такыя киргиз, соу-соу, кулак чозмой, тра-та-тат, мак-мак, чакмак таш, ак терек - көк терек[21].

---

[16] Манас: Киргизский героический эпос. Кн. 1.– М.: Наука, 1984. – 544 с.
[17] **Касен А. Кыргызские игры и развлечения. – Бишкек: Илим, 2004. – С. 72.**
[18] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания Г. Осмоновой). – Ош, 2024. – С. 104.
[19] Там же.
[20] **Касен А. Кыргызские игры и развлечения. – Бишкек: Илим, 2004. – С. 112.**
[21] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания К. Баатырова). – Ош, 2024. – С. 146-148.

В своём интервью он рассказал о некоторых играх, которые до этого не встречались в источниках, например дал таш (каменная спина): «В игре дал таш, мы с мальчишками спускались к берегу реки, подбирали небольшие гладкие камни, ручкой чертили на нём стрелки, и ложили в карман. Потом собирались вместе, делились на две команды, одна команда издалека бросала в центр свои камни, если она ложилась ближе к центру, игрок начинал бить по выставленным камням. Если удар был точным, то он продолжал игру, в случае промаха проигрывал. *Проигравшая команда,* подставив свои спины, становилась в полусогнутое положение на расстоянии *1,5 м.* друг от друга»[22].

Следующую игру он назвал соу-соу (непереводимо), и рассказал о его правилах: «Ведущий игры становился во главе цепочки, остальные, как хвост, цеплялись друг за друга. Водящий игрок, оставаясь свободным, должен был оторвать последнего прицепившегося игрока»[23]. Данная забава под названием арпа бышты, коон бышты, коон үзмөй[24] повсеместно встречается и в других районах республики. Возможно, название соу-соу присуще только для этого регоиона. На основе многолетних исследований сделан вывод о том, что название игры и его правила могут меняться даже на локальном уровне, в начале села оно может быть одним, а в другом конце иметь уже другое название и различия в правилах воспроизведения.

В приводимой игре такыя киргиз (одень тюбетейку), информатор рассказывает: *«...водящий игрок надевал на голову тюбетейку, становился на к*олени, и в таком положение должен был коснуться лбом земли. В случае, когда тюбетейка спадала с головы, в наказание его били щелчком по голове»[25]. Возможно, это искажённая версия другой молодёжной забавы такыя саю (сбей шапку), которая относится к брачным играм и происходит между женихом и невестой. В версии респондента в игре принимают участие только мальчишки и носит более спортивную забаву.

В следующем сообщении говорится: «...также совместно с девочками играли в игру чакмак таш (камешки). Для этого использовали пять или три камешка величиной с палец»[26], *в котором* можно увидеть, что в данном регионе в девичьей игре чакмак таш принимают участие и мальчики. Возможно, это отголоски прежних времён, когда игра имела мужской характер. Приведённые количества камешек – пять и три, свидетельствуют ещё об одной версии игры. Везде в игре используют пять камешек.

---

[22] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания К. Баатырова). – Ош, 2024. – С. 146-148.
[23] Там же.
[24] **Касен А. Кыргызские игры и развлечения. – Бишкек: Илим, 2004. – С. 112.**
[25] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания К. Баатырова). – Ош, 2024. – С. 146-148.
[26] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания К. Баатырова). – Ош, 2024. – С. 146-148.

Название забавы кемелек информатор поясняет как жаа (лук). В других районах под кемелек подразумевают рогатку. Следующая информация: «Эшек минди (козёл сторожевой), в этой игре проигравший в полусогнутом положение становится в центре круга, остальные стараются запрыгнуть на его спину. Игроки могут запрыгивать друг на друга»[27]. Здесь интересно сообщение о том, что «игроки могут запрыгивать друг на друга». Данная игра популярна по всей республике, проходит по одинаковым правилам, но это дополнение, когда игроки запрыгивают на других игроков, показывает о творческом изменении игры. Все игры имеют импровизацию в своём воспроизведении, это зависит от участников развлечения.

Респондент вспоминает: «В игру тра-та-тат (войнушка) играли за селом, забирались на склоны гор и холмов, прятались за большие валуны»[28]. Как и в других регионах, по сообщениям информатора, здесь были популярны игры чикалак, пари, чозмо, эшек минди, кулак чозмой, тра-та-тат, мак-мак, чакмак таш, ак терек - көк терек[29].

Байматова Мастура, 1949 г.р., уроженка с. Төө-Моюн Нокатского района Ошской области рассказала: «В детстве особо играть не пришлось, было тяжёлое послевоенное время. Но, всё же, в выпавшее свободное время играли в молодёжную игру ак чөлмөк, для игры использовали небольшую обструганную палку. Игра проводилась в ночное время. Отдельно с девочками играли в чакмак таш (камешки) и секирмечек (скакалка)»[30]. Здесь информатор точно определила развлечение ак чөлмөк, как молодёжную игру. Эта игра, бытующая с давних времён, входила в серию молодёжных игр и была незаменимым атрибутом на свадебных гуляньях. В своём изначальном варианте она имела немного скабрезный характер и проводился только в ночное время. Об этом говорит тот факт, что строгие мамаши не пускали своих дочерей на эти забавы.

Кроме женской игры чакмак таш информатор приводит развлечение секирмечек (скакалка). Скорее всего это действительно прыжки на скакалках, которые вошли в быт народа с проникновением российской культуры на данную территорию. Среди традиционных игр встречаются и прыжки, которые называются оромпой тепмей, имеют длительные исторические корни и упоминаются во многих источниках.

Житель села Кара-Гой Нокатского района Ошской обл., 1950 г.р., Имарбеков Бүркүт рассказал: «...от наших предков остались много видов игр, среди них можно перечислить - ак терек - көк терек, ат

[27] Там же.
[28] Там же.
[29] Там же.
[30] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания М. Байматовой). – Ош, 2024. – С. 177-178.

чабыш, кыргыз күрөш, эр эңиш, ордо, ак чөлмөк, көк бөрү, жаа тартмай, кыз куумай, алтын шакек, жоолук таштамай, тыйын эңмей, найза саймай, пара тепмей, төө чечмей, эшек минди, көр шапалак, кулак чоймой, чикалак (чикилдек) оюну, чатыраш, топ таш, салбурун»[31].

Причислив салбурун к играм, респондент сделал ошибку. «В салбурун, охотники собирались вместе и уходили на дальнюю охоту, на несколько дней. С собой в дорогу они брали тайганов, беркутов, луки с колчанами. Убитого на охоте зверя или животного, один из них клал поперёк седла и скакал в сторону села. Остальные скакали рядом и старались отнять у него подстреленную тушу. По прибытию в село, тушу бросали во двор уважаемого аксакала. Это была одна из разновидностей народных игр, напоминавших көк бөрү (борьба за тушу)»[32]. Здесь следует сделать поправку о том, что салбурун это не игра, а вид многодневной, иногда и многомесячной охоты, с выездом на дальние расстояния. В приводимой дальше информации говорится, что при возвращении они скакали рядом и старались отнять друг у друга тушу подстреленного трофея, которая напоминает вид конного состязания и носит древнее название көк бөрү (серый волк), а в более позднее время стало называться улак тартыш (перетягивание туши козлёнка). Данная информация впервые связывает состязание в перетягивании туши животных или зверей непосредственно с охотой, которое могло бытовать в прошлом.

Далее информатор сообщает: «В игре төө чечмей, на верблюда снаряжали куржун (перемётная сума), наполненную золотом, деньгами и другими ценными вещами. Из толпы выходила обнажённая женщина, и если могла отвязать верблюда от привязи, то всё нагруженное на верблюде доставалась ей в подарок. На такой шаг решались лишь женщины, обделённые судьбой – вдовы и женщины находящиеся в тяжёлом материальном положении. *Богачи бесились с жиру, и придумывали такие забавы*»[33]. Вид такого развлечения бытовал в прошлом, здесь сказалось советское воспитание и идеологическое мировоззрение информатора.

В сообщении: «В игре чатыраш использовали доску, на которую наносили шахматные линии, и 32 камешка, 16 из которых были чёрного цвета, и 16 другого цвета. Игра походила на шахматы. В игре принимали участие люди разного возраста. Эта игра имеет древние корни», - прослеживается информация, озвученная в работе С. Токторбаева о кыргызских играх[34]. Здесь можно предположить, что информатор знаком с работами С. Токторбаева.

[31] Там же. – С. 234-236.
[32] Там же.
[33] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания М. Байматовой). – Ош, 2024. – С.234-236.
[34] Токторбаев С. Өспүрүмдөр оюндары. – Б.КСЭнин Башкы ред., 1991. – 272 б.

В информации: «...в игре көр шапалак по жребию выбирался водящий, который закрыв глаза одной ладонью, другую выставлял назад. Один из участников игры наносил удар шапалаком (бич) по его ладони. Водящий повернувшись должен был угадать ударившего»[35], - можно увидеть разновидность подростковой забавы, идентичной көр шапалак, в этом случае удар по ладони водящего наносится ладонью очередного игрока.

В следующем сообщении об играх кулак чоймой, чикаляк, топ таш, пара тепмей также можно констатировать, что автор знаком с опубликованными работами о кыргызских играх. Об этом говорят его сообщения: «В игре кулак чоймой в тряпочку заворачивают монеты и бросают его. Игроки должны добежать и схватить узелок, кто первый подберёт его - бежит от остальных. Остальные догнав треплют его за уши, пока он не выбросит тряпочку с монетами. В игре чикаляк подготавливают две палки толщиной в плеть. Одна подлинее 50 см, и маленькая в 10-15 см. Маленькую палочку заостряют с двух концов. С двух сторон игровой площадки выставляют камни, и большой палкой бьют по маленькой, которая должна перелететь за камни. Большая палка называется – чикаляк, а маленькая палка – балак. В игре топ таш используют пять камешков. В детстве также играли в пара тепмей. Из шкуры козла (постек) кругом вырезают кусок, в него заливают свинец. Цель игры подбивать ногами не роняя на землю, выигрывает тот, кто смог выбить большее количество раз[36]. Здесь можно добавить, что информатор рассказывая об играх, прочитанных им в книгах или в периодической печати, добавляет нелитературное слово постек, который присутствует в диалекте южного региона.

Говоря «южный диалект», следует отметить, что это условное разделение республики на «север», под которым подразумевается современная территория Иссык-Кульской, Нарынской, Чуйской и Таласской областей, и «юг», включающая в себя Баткенскую, Ошскую и Джалал-Абадскую области возникло в период советизации горного края, и носит скорее политическое содержание. Как известно, «северные» регионы вошли в состав Российской империи раньше на добровольной основе. Дипломатические посольства крупных кыргызских племён в российские города – Омск, Санкт-Петербург дали свои положительные результаты. «Южные» регионы, находившиеся под властью Кокандского ханства, вошли в состав России чуть позже.

Здесь сказалось и расположение самой страны, которая разделена отрогами гор Теңир-Тоо (Тянь-Шань), на несколько регионов. В географическом отношении Иссык-Кульская и, частично, Нарынская

[35] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания Б. Имарбекова). – Ош, 2024. – С. 234-236.
[36] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания Б. Имарбекова). – Ош, 2024. – С. 234-236..

области находятся на востоке страны, в то время как Таласская и Баткенская области занимают западные границы республики. Чуйская область находится на севере страны, а Ошская область - на юге страны. Джалал-Абадская область, находящаяся как бы внутри страны, частично располагается и на востоке, и на западе, и на юге республики. Всё это, естественно, влияло не только на политическую сторону развития, но и на форму производства, на материальную и духовную культуру, на мировоззрение, а также на устную и письменную речь.

Далее полевые материалы были записаны у жителя с. Борбаш Нокатского района Ошской области Сапарбаева Болота, 1968 г.р. Он вспоминает: «...в детстве из прутьев делали «коней», и целый день «скакали» на них»[37]. Даже если родители отправляли в магазин или к соседям, мы свои прутики не бросали. Также целыми днями играли в игру казык[38], брали небольшие палки, заостряли и вбивали в землю, другой палкой старались его сбить. В данном сообщение впервые встречается забава казык. Данный информатор является одним из самых молодых участников проекта, и большинство сообщений были связаны с современными видами игр – футболом, волейболом, лёгкой атлетикой и т.д., которые ближе к спортивным состязаниям, а не к традиционным играм народа.

По словам Исмаиловой Саадат, 1962 г.р., жительницы г. Сулюкта Баткенской области, игры проводились во время ашар, взаимопомощи в разных трудовых делах[39]. Жители, чтобы обеспечить себя и детей, ткали ковры на продажу. И во время небольших перерывов отдыхали, играя в разнообразные игры. В данном сообщении впервые упоминается использование игр и развлечений во время коллективной взаимопощи – ашар, который существовал с давних времён и входит в традиционное наследие народа. Здесь также можно подчеркнуть, что коллективные собрания по различным поводам, были основой для игр и развлечений.

Жительница с. Могол Ооган талаа Нокенского района Джалал-Абадской области Зулаева Бактыкан 1949 г.р. так вспоминает игры своего детства: «В большинстве случаев мы развлекались качелями. Дети, молодёжь иногда и взрослые любили покачаться на качелях. На жайлоо перетягивались арканом, играли в качма топ (лапта)»[40]. Здесь можно обратить внимание на то, что информатор, являясь представительницей женского пола, в своём сознании сохранила игры и развлечения, которые в большинстве случаев проходят во время свадебных церемоний и относятся к брачным и предбрачным играм.

[37] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания Б. Сапарбаева). – Ош, 2024. – С. 245.
[38] Там же.
[39] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания С. Исмаиловой). – Ош, 2024. – С. 255.
[40] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания Б. Зулуевой). – Ош, 2024. – С. 351.

Можно сказать, что замужество для женщин является одной из важ ных составляющих в их жизни и память надолго сохраняет такие моменты. И в использование метода устных рассказов, следует обратить внимание на эту сторону информации.

В сообщениях следующего информатора, в отличие от предыдущей, можно заметить, так сказать «мужское» видение ситуаци. Каримов Баргыбай 1956 г.р., уроженец с. Ак-Булак Ноокатского района Ошской области дал информацию о конноспортивном состязании улак тартыш (көк бөрү) и борьбе[41]. Он вспомнил имена знаменитых силачей: Ибраим балбан, Амат балбан, Жумабай балбан, Мамат балбан. Информатор перечислил сугубо силовые развлечения, из брачных забав назвал селькинчек (качели).

Максутов Нурмамат, 1953 г.р., житель с. Ноогардан Кадамжайского района Баткенской области вспоминает: «В подростковые годы играли в чикаляк (чижик), имелись две палки, одна эне таяк (палка-мать), вторая бала таяк *(палка-дитя). Подбрасывая большой палкой били на дальность маленькую палку. Проигравший исполнял штраф зуулда (жужание), набрав воздуха должен был бежать определённое расстояние без выдоха. Также играли в* ак чөлмөк, тогуз коргоол, сызык таш, беш таш»[42]. В сообщении присутствует разделение инструментариев игры - эне таяк (большая палка), которым наносят удар, и бала таяк (малая палка), по которой ударяют. Помимо упомянутых игр впервые в источниках встречается игра сызык таш[43], по описанию правил игры можно предположить, что это одна из разновидностей народной игры, название которой претерпела изменения.

По словам жительницы города Кочкор-Ата Ноокенского района Джалал-Абадской области Шамбетовой Санавар, 1958 г.р.: «В детские годы во время той (празднества) и свадеб, обязательно приходили на торжество, где обычно проводились различные игры. Одним из развлечений было жолук таштамай (жгут). Молодёжь садилась, образовав круг, и водящий подбрасывал жгут за спину тому, кто нравился. Играли в топ таш (камешки), используя пять камешков. Десятью камешками играли в игру келин кирди (невеста зашла), или другое её название күйө кирди (жених зашёл). Встав парами - девушка *с* парнем*, играли в игру эшик-эшик (базар-базар).* Играли в топ чапмай (лапта)»[44]. В сообщении прослеживается упомянутый выше «женский взгляд» на прошедшие события. Она также вспоминает игры во время свадебной церемонии. Забава жолук таштамай (жгут),

[41] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания Б. Каримова). – Ош, 2024. – С. 370.
[42] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания Н. Максутова). – Ош, 2024. – С.457.
[43] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания Н. Максутова). – Ош, 2024. –. С. 458.
[44] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания С. Шамбетовой). – Ош, 2024. – С.542.

эшик-эшик (базар-базар)[45] входят в категорию брачных игр. Также игру чакмак таш интерпретирует через женское видение, добавляя определения келин кирди (невеста зашла) и күйө кирди (жених зашёл)[46]. Следует обратить внимание на количество камешков, используемых в игре. Классический вариант это 5 камешков в игре, по её информации использовались 10 камешков. Разновидность игры в чакмак таш, где используются разное количество камешков и варианты их подрабасывания, имеющие разнообразные формы, записано в с. Борбаш Ноокатского района Ошской области. Также, где в игре используются разное количество камешков записано в Таласской области, но название игры носит другое название топ таш. Скорее всего это региональные диалектические различия.

Одна из самых возрастных респондентов, принявших участие в нашем проекте, Аманова Айзада 1923 г.р., жительница с. Мады Кара-Суйского района Ошской области, вспоминает: «В детстве по вечерам ходили за село встречать коров. И пока они возвращались с пастбища мы играли в разнообразные игры. В большинстве случаев играли в мяч, который был резиновый»[47]. В воспоминании старейшего информатора, использование резинового мяча указывает на то, что она проживала в одном из крупных населённых пунктов, ближе к городу или очагам цивилизации. В информациях респондетов проживающих в дальних селениях встречается мяч, сделанный из шерсти животных.

Далее в сообщении можно прочитать: «...когда мальчишки играли чикаляк (чижик), мы вместе с девочками тоже принимали участие. Во время наступления көөлөм (весна), моя бабушка готовила сүмөлөк, собирались соседи, родственники и вокруг бегали дети. Это был своеобразный праздник и до утра играли в топ таш (камешки), кур таштамай, жолук таштамай (жгут), ак чөлмөк»[48]. Здесь следует обратить внимание на основу организации игры. Они проходили по разным поводам. Из данной информации можно узнать, что игры могли проходить и во время приготовления сүмөлөк, т.е. во время празднования древнего земледельческого праздника Нооруз.

В традиционном быту народа, детские игрушки встречаются мало. Одной из популярных игрушек у девочек были куклы: «..отдельно с девочками играли в куклы, которые делали из прутьев или лепили из глины. Брали у бабушек старые лоскутки тряпок и шили для кукол одежду»[49]. Следует добавить, что девочки с разнего возраста приобщались к труду, и изготовление кукол, и игры в них проходили

[45] Касен А. Кыргызские игры и развлечения. – Бишкек: Илим, 2004. – 144 с.
[46] Элдүйнө-Этномир. (т. 2. Воспоминания С. Шамбетовой). – Ош, 2024. – С.542.
[47] Элдүйнө-Этномир. (т. 1. Воспоминания А. Амановой). – Ош, 2024. – С.21-22.
[48] Там же.
[49] Элдүйнө-Этномир. (т. 1. Воспоминания А. Амановой). – Ош, 2024. – С.21-22.

в небольшие периоды свободных от хозяйственных дел. Следующее сообщение говорит о популярных играх подражательного характера: «...также из глины лепили разные лепёшки и хлеб, и, подражая взрослым, угощали друг друга»[50], такие развлечения встречаются почти у всех народов различной культуры, у кыргызов он носит название мейман таш или мейман күтүү[51].

Воспоминания жительницы с. Сагындык Кара-Суйского района Ошской области Искандаровой Бурулкан, 1955 г.р., дают много различной информации: «...прежде чем играть, мы хорошо ели, что приготовят наши матери. В большинстве случаев это была молочная или мясная пища»[52]. Здесь очень важная информация, которая имеет свою теоретическую основу, а также отражено в народном мировоззрении: «Ач бала менен ток бала ойнобойт» дословный перевод который звучит так: «Голодный ребёнок с сытым не играет», имеется русский аналог этой поговорки: «Сытый голодного не разумеет».

Здесь также важна информация о месте проведения игр: «Собравшись все дети вместе шли туда, где раньше стоял журт (кочевье). Земля там была хороша утрамбована, а места, где стояли юрты, имели округлую форму, это было удобно для игры ляппай (непереводимо), а также для игры взрослых в ордо. Мы посередине чертили круг, и набрав по пять хороших камней выставляли на кон»[53]. Как известно, в летнюю пору жайлоо, кочевье по мере выедания скотом пастбища перемещалась на новое место. Это происходило в двух видах. Издревле кочёвка проходила с низовий вверх, называясь в историографии как вертикальная кочёвка. По мере наступления жары и выгорания травы в низовьях, стадо домашних животных перегонялось выше в горы, где температура намного ниже. Оно достигало высокогорых пастбищ, где всё лето до наступления заморозков, стоит высокая трава, обильно поливаемая частыми дождями, где также нередко выпадал снег.

Второй вид перекочёвки можно назвать малой горизонтальной кочёвкой. Она имеет кольцевидную форму, выедая пастбища рядом временно установленного жилья, скот постепенно перегоняется на новые места. И в этом заключается вся философия кочевника, также отражённая в народной мудрости: «Жаман койчу жайытын бир күндө жайлайт» (Плохой чабан свои пастбища за день вытопчет). Пройдя круг вокруг жилья, скот через определённое время перегоняется на место откуда началась летовка и где уже выросла новая трава.

[50] Элдүйнө-Этномир. (т. 1. Воспоминания А. Амановой). – Ош, 2024. – С.21-22.
[51] Касен А. Кыргызские игры и развлечения. – Бишкек: Илим, 2004. – 144 с.
[52] Элдүйнө-Этномир. (т. 1. Воспоминания Б. Искандаровой). – Ош, 2024. – С.203-205.
[53] Там же.

В следующем сообщении прослеживается сезонный характер игр и развлечений. Как известно, жизнь кочевника проходил по своеобразному кругу: жаздоо – жайлоо – күздөө – кыштоо (весно-лето-осень-зима). И каждому сезону были присуще свои виды игры, если некоторые игры можно было играть в любое время года, то некоторые игры проходили в определённое время. «...Затем поднимались на небольшую возвышенность, и оттуда кидали свои биты в сторону выставленного кона, чья бита упадёт ближе к кону, он начинал игру по выбиванию камней из круга. Это игра проходила в летнюю пору. Зимой играли в топ таш (камешки). Сначала в 5 камешков, потом в 7 камешков, потом в 10 камешков, иногда доходило до 100 камешков. Это была очень интересная игра, сейчас дети в него не играют. Мы играли вместе, не делили игры девочек или мальчиков. Осенью когда заканчивались уборочные работы на току, мы приходили играть сюда. Хорошо всё выметали и играли в чикаляк (чижик). Иногда проигравший исполняя штраф - добегал отсюда до школы, приговаривая: «Ак таш, көк таш Абдирайим как баш, ака чика уу», *(белый камень, серый камень, а Абдирайым пустоголовый). Также осенью, когда все возвращались с жайлоо (летние пастбища) была популярная игра ак чөлмөк (белая кость). По*среди айыла была ровная местность, собиралась взрослая молодёжь, подростки, дети. Взрослые парни просили нас вызвать из дома ту или иную девушку, мы бегали к ним домой и приглашали на веселье. Потом разделившись играли до упаду»[54]. Также в данной информации даются количество камешек в игре чакмак таш. Здесь их количество приводится в 100 камешек.

Хорошая информация представлена по изготовлению инструментария для игры, в данном случае мяча: «Мячей у нас не было, но если у кого-то он появлялся, мы играли до упаду. Матери советовали, весной коровы начинают линять, соберите с них шерсть и при помощи горячей воды придайте круглую форму, вот вам будет и мяч. Мы так и делали, к сожалению он не прыгал как резиновый мяч, но кидать его можно было»[55]. По некоторым данным при изготовления такого мяча во внутрь клали небольшой камень.

В игре карнай-сурнай видны отголоски нового образа жизни: «Когда эта игра надоедала, играли в карнай-сурнай (труба-горн). Игра носила характер вопросов-ответов. Следующая любимая игра была учту-учту (полетели-полетели)»[56]. Такой вид забавы в ранние периоды не встречается.

Играм и развлечениям присущ не только сезонный характер, здесь можно дать новое определение - «историзм» игр и развлечений.

[54] Элдүйнө-Этномир. (т. 1. Воспоминания Б. Искандаровой). – Ош, 2024. – С.203-205.
[55] Элдүйнө-Этномир. (т. 1. Воспоминания Б. Искандаровой). – Ош, 2024. – С.203-205.
[56] Там же.

В разные эпохи преобладают разные виды игр, появляются новые, некоторые исчезают или приобретают новые формы, изменяются и дополняются правила. Информатор хорошо подметила это: «В то время не было ни телевизоров, ни радио, и зимой развлекались таким образом. Если у кого-то родители отъезжали из дома на какое-то время, мы быстро собирались там, и затевали свои игры. Обычно играли в каным ууру туттум (хан я вора поймал), *шакек салмай* (колечко выйди на крылечко), *кан* кандай*? (каков хан?).* Вот такими играми забавлялись в детстве»[57].

Как известно, в настоящее время почти везде, в традиционные полевые игры и развлечения не играют. И информатор с ностальгией говорит об этом. Современная эпоха глобализации и информации, век новых технологий отдалил традиционные народные игры, которые помимо физического воздействия содержали в себе духовные и нравственные начала. Возможно, как маятник часов дойдя до своей крайней точки, возвращается обратно, также могут вернутся в жизнь забытые игры прошлого, и также будут нужны для воспитания подрастающего поколения и сохранения здоровья старшего поколения.

Подводя итог работе, проделанной в южных регионах республики, можно сказать, что анализ полученного материала свидетельствует об огромной роли устных рассказов, которые помогут прояснить многие белые пятна общественной и культурной жизни общества на определённом отрезке времени.

И не зря, наверное, устная история, которая в мировой историографии именуется как «oral history», пройдя многолетний этап забвения, в новых исторических реалиях приобретает новую жизнь. И наряду с другими источниками, становится также «важным источником в изучении прошлого».

Проведённые полевые исследования, которые опирались на методические разработки учёных, а также на основе новых (а точнее позабытых старых) методологических разработок, касались в первую очередь традиционных игр и развлечений южного региона республики. Полученные материалы дают большую информацию о сезонном характере проведения игры, местах их про-ведения. Игры связаны с различными празднествами и обрядами. В процессе полевого исследования по сбору устных рассказов, мы столкнулись с довольно широким сюжетным разнообразием повседневности, затрагивающих семью, соседей, улицы, друзей детства. В детских воспоминаниях присутствует отчётливое понимание исторической значимости важных, с точки зрения самих респондентов, событий,

[57] Там же.

в данном случае детских игр и забав, которые современным «технологичным» молодым поколением утеряны.

Материалы исследования дают возможность изучить не сохранившиеся до настоящего времени игры и забавы, которые остались только в воспоминаниях из далёкого детского прошлого и пополнили историческое наследие народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамзон С.М. Очерк культуры киргизского народа. – Фрунзе: Изд-во Кирг. Фил. АН СССР, 1946. – 123с.
2. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л.: Наука, 1971. – 403с.
3. Абрамзон С.М. Программа для сбора этнографических материалов. – Фрунзе, 1946. – 19 с.
4. Аристов Н.А. Труды по истории и этническому составу тюркских племён. – Бишкек: Илим; Фонд «Сорос-Кыргызстан» 2003. – 458 с.
5. Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Соч.– Т.2., ч.1. – М., 1963. – С. 471-543.
6. Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах // Соб. соч. В 5-ти т.– Алма-Ата, 1985. – Т. 2.– С. 7-89.
7. Винников Я.Р. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии // Тр. Кирг. археол.-этногр. экспедиции.– М., 1956. – Т. 1.– С. 136-181.
8. Губин В.Д. Память: возвращение к детству // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 3. С. 160-170.
9. Касен А. Кыргызские игры и развлечения. – Бишкек: Илим, 2004. – 144 с.
10. Манас: Киргизский героический эпос. Кн. 1.– М.: Наука, 1984. – 544 с.
11. Мишле Ж. Народ. – М.: Наука, 1965. – 208 с.
12. Сабиров А.Т. Место устной истории (oral history) в изучении исторического прошлого Центральной Азии. // История Центральной Азии. Научно-теоретический журнал. – Ташкент, 2024. - № 1. – С.76-92.
13. Сабиров А.Т. Инновационные методы в изучении исторического наследия Центральной Азии: опыт исторических исследований // «Евразийское историческое наследие: грани истории – от истоков до современности». Сб. Материалов международной научно-практической конференции (20 ноября 2019 года) / под ред. Б.Г. Аягана – Нур-Султан, 2019. – С. 37-41.
14. Сабиров А.Т. Метод oral history в сохранении исторической памяти: Опыт Казахстана и Узбекистана // Материалы X Международного Форума в рамках проекта «Память во имя будущего», посвящённого Дню памяти жертв политических репрессий и голода. – Нур-Султан: «PrimaLux», 2019. – С. 152-157.
15. Элдүйнө-Этномир. (в 2 т.). – Бишкек, 2024. – 794 с.

Янги китоблар / New books / Новые книги

Рецензия на монографию «Шараф Рашидов». Автор: Т.Т. Алимарданов. Изд: **“Factor books”, 2024. – 384 с.**

Прошло более четверти века с момента ликвидации СССР, уходят в прошлое и её славные страницы. Проблема создания подлинной истории этого неоднозначного периода остается актуальным. После распада советского государства часть научного сообщества считала, что критика советского режима откроет путь к написанию беспристрастной истории того периода. Но реализовать это оказалось посложнее. Миллионы людей честно трудились, строили города, заводы и фабрики, продвигали науку и культуру. Выросло новое поколение, устремленное в более достойное будущее.

Как известно, у каждой эпохи есть свои герои, люди берущие на себя бремя возглавить небывалые доселе творческие процессы. Имело место и страна взрастившая человека, который поведал землянам, что с космосом надо дружить и его имя не будет забыто. Их героический порыв и имена войдут в арсеналы мировой истории. Одним из таких людей в нашей недавней истории был и останется Шараф Рашидов. О нём и о других следует говорить, они олицетворяли ту непростую эпоху, следует говорить об их дерзаниях, а так же об их трагических ошибках. С этой позиции небезинтересен выход в свет солидной монографии доктора политических наук, профессора Тулкина Алимарданова “Шараф Рашидов”, как итог его многолетних исследований данной научной проблемы.

В монографии с научной беспристрастностью раскрыты черты характера Шарафа Рашидова: лидера, творца и человека искренне верившего в правоту той идеи, которой он остался приверженным до конца жизни. Автор начинает работу с одной из самых ярких страниц политической деятельности Шарафа Рашидова – освоения целинных и залежных земель. И тому есть основания.

Шараф Рашидов родился в крестьянской семье. Он глубоко осознавал, что для модернизации Узбекистана огромная роль принадлежит щедрой природе и благодатному климату, что

одухотворенная людьми земля кормит народ. Шараф Рашидов, обладавший от природы талантом народного руководителя, находит пути привлечения руководителей Центра и ученых всей страны, организаторов в освоение залежных земель в Узбекистане.

В работе на основе исторических свидетельств раскрывается живая панорама процесса освоения пустынных земель в Узбекистане, роль Шарафа Рашидова и других участников в этой эпопее. Представляется, что эта часть исследования получилась наиболее яркой, наиболее аргументированой. В результате, произведенная в Узбекистане промышленная продукция экспортировалась в десятки стран мира, узбекские специалисты работали на фабриках и на заводах, гидростанциях, в ирригационно-мелиоративных сооружениях таких стран как Иран, Ирак, Сирия, Афганистан, Лаос, Алжир и Тунис.

О вкладе Шарафа Рашидова в развитие науки и просвещения в Узбекистане написано немало. В своей работе Тулкин Алимардонов остановился на этом аспекте творчества Шарафа Рашидова, охарактеризовав его не только как лидера, но и как яркого интеллектуала, внесшего личный вклад в развитие науки и культуры. С помощью множества неопровержимых фактов раскрываются пороки тоталитарной системы, которые отчасти сохраняются в сознании и социальной практике до настоящего времени.

Автор обращает внимание на то, что метод управления из Центра жестко ограничивал деятельность Шарафа Рашидова, тем не менее он, как мудрый политик и незаурядная личность сохранял самые уникальные человеческие качества.

Известно, что роль общества в воспитании личности, как таковой в жизни страны с древнейших времен была предметом полемики среди интеллектуалного сообщества в целом. И естественным образом возникает вопрос, кто из них создает историю. Тулкин Алимардонов находит ответ и на этот не совсем простой вопрос в жизнедеятельности и духовном мире мыслителя, политического лидера и писателя Шарафа Рашидова.

Тулкин Алимардонов приходит к единственному верному выводу: место Шарафа Рашидова определяется как качеством жизнедеятельности, так и исторической памятью поколений о нем. Автор пишет: “При оценке личности Шарафа Рашидова необходимо учесть историческую ситуацию, противопоставление интересов граждан и государства, тайные методы подчинения и его политико-экономический и идеологический арсенал. Этими определялись двоякость и сомнение в стратегии лидера нации”. Заслуга автора заключается в том, что заявленным оригинальным подходом он открывает новые горизонты в исследовании такой сложной проблемы,

как соотношение общества и личности в истории.

Изображение Шарафа Рашидова в зависимости от окружающей среды очерчено множеством линий, каждая из которых представляет собой самостоятельный рабочий символ подобно солнечному лучу, излучающему свет тысячами и тысячами струн. Читая книгу, нельзя не обратить внимание на те события, которые связаны с освоением залежных земель. Это ярко проиллюстрировано на примере политики царской империи, которая игнорировала традиции местного населения в освоении заповедных земель в Туркестане. Увеличение объема хлопка-сырца, присущий народу коллективизм, разлад среди местного населения в результате переселения представителей других народов на освоенные земли, взятие под контроль территории путем создания лояльного к империи слоя буржуазии, поддержка практики, которую можно остановить или продвинуть в любое время, недопущение роста местных кадров, обладающими современными знаниями и профессиями, в конечном итоге и делали Туркестан частью царской империи.

Уделяя немалое внимание замыслам советской эпохи по освоению засушливых земель, Тулкин Алимардонов системно и последовательно выявляет, что не было существенной разницы между политикой и целями царской империи и Советского Союза. В частности, в Узбекистане, который стал частью Советского Союза, образовавшегося в начале прошлого века, инициированные социально-политические и духовные изменения оказались причиной давления на республику со стороны центрального правительства, вызвав экономическую напряжённость, открытое проявление негативного отношения бывшей империи к кадровой политике под прикрытием еще большего усиления зависимости народов посредством идеологического воздействия - «взвали вину на плечи». Стратегия действия, апробированные в этом направление ресурсы привели к затуханию политической и экономической жизни Узбекской ССР. Республика серьёзно пострадала от привлечения местных работников к сбору хлопка, слепого увеличения обязательств. Бешеные темпы набирало формирование такой практики, как регулярное возложение обременительных задач на плечи людей, которые едва могли перевести дыхание.

Автор со сознанием дела констатирует: «Шараф Рашидов, как и все другие руководители его уровня, не имел возможности самостоятельно определять экономическую и социальную политику республики. В то время все сосредоточивалось в руках КПСС и центральных министерств, были серьёзно урезаны полномочия местных органов власти. В таких условиях Узбекистан был обречен

оставаться сырьевым регионом, не имевшим каких-либо прав на решение даже второстепенных вопросов без согласия Центра. Несмотря на это, будучи опытным политиком, Шараф Рашидов любыми возможными способами добивался доверия со стороны Центра, вырвав долю Узбекистана из лап сильной бюрократической системы во благо узбекистанцев. Республика продолжала развиваться.

Кто сможет защитить интересы своего народа в череде чрезвычайно сложных и опасных для жизни человечества процессов, кто сможет направить интересы и цели на благо нации, способен превратить рабский труд в труд свободный, вернуть людям отнятые у них средства, мобилизовать их на благо народа. Это было под силу лишь таким лидерам, каким был Шараф Рашидов, действовавший невзирая ни на какие опасности, не думая о собственной карьере и здоровье. Добивался Шараф Рашидов своей цели не в ущерб интересов другой стороны, выражаясь языком дипломатов, с позиции «мягкой силы».

Во время встреч с высокопоставленными должностными лицами Шараф Рашидов мастерски использовал все возможности, играя на желании чиновников из Центра быть причастным к освоению новых земель. Он постоянно напоминал о необходимость оказания Центром помощи большим количеством техники и технологий. Ему была присуща политическая дальновидность, умение объединить все силы, шаг за шагом спланировать, если нужно скорректировать желаемую цель и осуществлять ее на месте.

Политика динамична и неизведана, тем не менее она широко раскрывает свою душу перед тем, кто последователен, гуманен и мудр. Автор поясняет, замыслы Шарафа Рашидова по индустриализации и освоению целинных земель дали обильные плоды. К 60-м годам Шарафу Рашидову удалось создать соответствующие возможности, направленные на освоение на промышленной основе больших территорий целинных земель в Узбекистане, что подкреплено прежде рациональным использованием наличной экономической мощи центральной администрации.

В этот процесс были задействованы десятки союзных проектных научных институтов, опробованы сотни новых современных инженерных проектов, создана современная ирригационная система. Впервые в производстве был применён закрытый горизонтальный дренаж. В строительстве водного хозяйства появляются новые технологии и конструкции. Внедрены новые индустриальные методы развития сельского хозяйства. Созданы крупные производства. Увеличилась доступность продовольствия. В итоге Узбекистан стала ведущей республикой с развитым сельским хозяйством и

промышленностью. Хорошо обдуманный способ достижения цели в условиях реальной общественной жизни, где каждый шаг на высоком руководящем посту может решить судьбу миллионов. Для этого требовалось умение «сделать из врага друга», что является редкой способностью и, возможно, божьим даром.

Шараф Рашидов был лидером, тонко чувствующим особенности эпохи, умеющим использовать её возможности мудро и мастерски. Его знали за пределами страны. Шараф Рашидов дружил с такими выдающимися личностями того времени, как Джавахарлал Неру, Гамаль Абдель Насер, Фидель Кастро, Родней Арисменди и др. Помнится, великий аргентинец Арисменди считал Шарафа Рашидова патриотом своей нации. Многочисленные информативные материалы, официальные документы, а также теплые слова признания соратников по работе убедительно подтверждают его высокую политическую культуру и духовное воздействие на окружающих.

Он был бессменным участником и лично руководил процессом охраны окружающей среды в республике, улучшением здравоохранения и подъёмом национальной экономики. Автору принадлежит скрупулёзный анализ показателей, соотношения объемов прибылей и убытков, беспристрастные и адекватные выводы. Шараф Рашидов лично руководил введением в эксплуатацию миллионов гектаров орошаемых земель, тысяч заводов, фабрик, производственных комплексов, сел, поселков, детских садов, школ и техникумов.

В Узбекистане была создана своя собственная сеть бытовых услуг. Практически все взрослые люди были обеспечены постоянной работой, достаточной заработной платой. Блестящим доказательством проявленного им человеколюбия является построенное по его инициативе Ташкентский метрополитен, который сегодня соединяет крупные жилые массиве города - мегаполиса.

Конечно, не всё и не во всем было идеально. И тут допустимо вспомнить Сахибкирона Амира Темура, заявлявшего: «Всякий раз, как собирались советники, я обсуждал хорошие и плохие стороны, пользу и ущерб, надобность и ненадобность задуманных дел и внимал их соображениям. Узнав их мнение, я обдумывал обе стороны задуманного предприятия, сравнивая пользу и вред». Думается что, Шараф Рашидов хорошо усвоил и следовал мудрости великих мыслителей прошлого. Вероятно, автор монографии придерживался этого канона, когда оценивал уроки деятельности Шарафа Рашидова, справедливо считая, что его помыслы и устремления были направлены на обеспечение достойной жизни для народа, социальную поддержку населения, развитию кадрового потенциала республики, пополнению

производства национальными кадрами, увеличению мощностей по выпуску готовой продукции и стимулированию равноправного участия Узбекистана в международных торгово-экономических отношениях и, наконец, расширению научных, культурных, образовательных и творческих сетей. Шараф Рашидов как политический лидер, глава республики и творческая личность имел право гордиться тем, что жизнь он прожил не зря. Он навсегда остался в истории суверенного государства – Республики Узбекистан Человеком и Эпохой.

Автору монографии доктору политических наук, профессору Тулкину Алимардонову удалось соотнести свои думы с философией Гёте, его «Заветом» - «В ничто прошедшее не канет, Грядущее досрочно манит, И вечностью заполнен миг».

Доктор философских наук, профессор: **Темур Джураев.**

Muharrir: T. Bobomatov
Dizayner: A. Ergashov

Nashriyot tasdiqnomasi № _____
Bosishga 12.07.2024 da ruxsat etildi. Bichimi 60×84 1/8.
«Cambria» garniturasi. Ofset usulida bosildi.
Shartli b.t. 14. Nashr taboq 6.25 Adadi 100 nusxa.
____-raqamli buyurtma.

Markaziy Osiyo Tarixi

История Центральной Азии

History of Central Asia